АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Б. О. ОРУЗБАЕВА

**ФОРМЫ
ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ
В КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

Издательство Академии наук Киргизской ССР
Фрунзе 1955

Б. О. ОРУЗБАЕВА

**Ф О Р М Ы
ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ
В КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

*Печатается по постановлению Редакционно-
издательского Совета Академии наук
Киргизской ССР*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В задачу данной работы входит описание специфических особенностей показателей прошедшего времени в киргизском языке на материале киргизской советской художественной прозы и поэзии. Орфография и пунктуация оригинала взятых примеров сохраняется. Переводы на русский язык даны дословно.

В работе, по мере надобности, учтены диалектные особенности киргизского языка, а также аналогичные явления в других тюркских языках.

Часть примеров взята из киргизской разговорной речи.

ВВЕДЕНИЕ

Система глагола киргизского языка характеризуется многообразием категорий и форм и нуждается в уточнении в связи с решением практических вопросов киргизского языкознания. В их числе немалый интерес представляет категория времени глагола.

И. В. СТАЛИН в своей работе „Марксизм и вопросы языкознания“ уделяет большое внимание изучению специфических особенностей грамматического строя языков.

В формах же прошедшего времени киргизского языка мы встречаем как явления, присущие и остальным родственным тюркским языкам, так и характерные только для киргизского языка и отличающие его от других родственных языков.

Времена глагола характеризуют действия или состояния предмета по отношению к моменту речи или отношению одного действия к другому (последующему или предыдущему).

В каждом языке есть свои особые морфологические показатели, образующие эту грамматическую категорию и отличающие его от других языков¹.

Аффиксы времени имеют свое определенное место среди показателей других грамматических категорий глагола и располагаются перед личными окончаниями, т. е. по следующей схеме: основа+аффикс залога+аффикс отрицания „ба“+аффикс времени+личные окончания (например: к е л + и ш + к е н + биз — мы заходили друг к другу).

Категория времени в школьной грамматике киргизского языка дана под термином „чак—время“ и включает в себя три разновидности: прошедшее, будущее и настоящее времена. Аффиксами прошедшего времени считают -г а н, -д ы, -г а н + д ы р. Из них время, образованное при помощи аффикса -д ы, называется „берки өткөн чак—недавнепрошедшее время“, которое, в свою очередь, выражает две фазы действия:

1) „берки айкын өткөн чак—недавнепрошедшее конкретное время“ и

2) „берки капыскы өткөн чак (недавнепрошедшее неожиданное время)“. Время, образованное при помощи аффикса -г а н, названо „байыркы өткөн чак—давнепрошедшее время“, которое также выражает две разновидности:

1) „байыркы айкын чак—давнепрошедшее конкретное время“ и

¹ Вопросы грамматических особенностей глагола, в том числе и категории времени в тюркских языках, освещаются в многочисленных научных грамматиках и статьях по различным тюркским языкам.

2) „ба й ы р к ы ка пы с к ы ѓ т к ѓ н ч а к — да в но про ш е д ш и е е не о ж и да н н о е в ре м я“. В ре м я, о б р а з о в а н н о е п р и п о м о щ и а ф ф и к с о в - г а н + д ы р н а з ы в а е т с я „к у д у к ѓ т к ѓ н ч а к — с о м н и т е л ь н о е п р о - ш е д ш е е в ре м я“.

В действительности же имеется значительно больше оттенков в значении прошедшего времени. Главные из них:

1. Прошедшее категорическое или определенное (ж а з + д ы — о н писал).

2. Прошедшее неопределенное (ж а з г а н + с ы н — ты когда-то писал). Сюда же относится и время, выраженное сочетанием аффиксов - г а н и - д ы р, т. е. прошедшее неопределенное с предположительным оттенком (ж а з г а н д ы р с ы н — ты, пожалуй, писал).

3. Прошедшее субъективное (ж а з ы п т ы р + с ы н — оказывается, ты писал).

4. Прошедшее длительное (ж а з ч у м у н — я постоянно писал).

Формы прошедшего времени при сочетании со служебными словами „эле“ и „экен“ выражают давнопрошедшее с оттенками, присущими формам основного глагола. Они следующие:

1. Давнопрошедшее определенное (ж а з д ы э л е м, ж а з д ы м э л е — я (давно) писал).

2. Давнопрошедшее неопределенное (ж а з г а н э к е н м и н — я давно, когда-то, писал, ж а з г а н э л е м — я тогда писал).

3. Давнопрошедшее длительное (ж а з ч у э л е м — я писал обычно, постоянно, долго).

Будущее время охватывает две разновидности:

1) Ж а к ы н к ы к е л е р ч а к — близкое будущее время, образуемое от деепричастия на -а (-й): ж а з а м ы н — я пишу, буду писать, о к у й м у н — прочту, почитаю, буду читать.

2) А р с а р к е л е р ч а к — сомнительное, предположительное будущее время, образуемое при помощи аффикса -а р (отрицательная форма -б а + с: ж а з а р м ы н — я, вероятно, напишу, буду писать; ж а з б а с м ы н — я, вероятно, не напишу, не буду писать).

Настоящее время также выступает в двух разновидностях:

1) Настояще-будущее или длительное, типа ш а а р д а т у р а м ы н — живу (постоянно) в городе. Оно образуется, как и будущее категорическое, от деепричастия на -а (-й).

К категории настояще-будущего времени следует отнести и образование типа „ж а з м а к ч ы м ы н — я намерен писать“ (будущее намерение). Сюда же примыкают повелительная, желательная, пожелательная и условная формы.

2) Настоящее данного момента. Образуется путем сочетания деепричастия с вспомогательными глаголами ж у р, т у р, о т у р, ж а т в настояще-будущем времени: ж а з ы п ж а т а м ы н — пишу сейчас (в данный момент), б а р а ж а т а м ы н — иду (в данный момент и т. п.). В киргизском языке имеется и вариант типа „б а р а ж а т ы р (и ж а т ы р ы)“. В результате слияния вспомогательного глагола с основным образовался уже аффикс -а т а: б а р а т а м ы н — я иду (в данный момент), как и имеется сочетание типа ж а з ы б а т а т — пишеш.

К различным категориям времени относятся не только отглагольные образования, но и сочетания имён с аффиксами спряжения или с вспомогательными глаголами. Примеры:

М е н о к у ч у м у н — я ученик,

М е н о к у ч у б о л д у м — я стал учеником и т. п.

Категории времени выражаются в киргизском языке, как и в других тюркских, различными типами отглагольных образований: чистыми глагольными формами, деепричастиями и др. Следовательно, в отличие от трактовки, принятой пока в школьных грамматиках, не следует смешивать в одной классификационной морфологической группе типы отглагольных образований и категории времени.

Из всех времён прошедшее время характеризуется многообразием своих форм и оттенками в их значениях, что и будет изложено ниже.

**1. ПРОШЕДШЕЕ ОПРЕДЕЛЕННОЕ (КАТЕГОРИЧЕСКОЕ)
ВРЕМЯ, ОБРАЗУЮЩЕЕСЯ ПРИ ПОМОЩИ АФФИКСА -ДЫ**

Одним из наиболее изученных показателей прошедшего времени является аффикс -ды (-ди, -ду, -дү, -ты, -ти, -ту, -тү), который в схеме спряжения сочетается с краткими личными окончаниями (-м, -н, -ңыз, -ки т. д.).

Схема спряжения на примере глагола „жаз — пиши“ выражается в следующем виде:

**ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ФОРМА
ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:**

1-ое л. мен жаз + ды + м	я писал, написал;
2-ое л. сен жаз + ды + ң	ты писал, написал;
сиз жаз + ды +	Вы писали, написали;
ңыз	
3-ье л. ал жаз + ды	он писал, написал.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. биз жаз + ды + к	мы писали, написали;
2-ое л. силер жаз + ды +	вы писали, написали;
ң ар	
сиздер жаз + ды +	Вы писали, написали;
ңыз + дар	
3-ье л. алар жаз + ты + ш + ты,	они писали, написали.
жаз + ды	

**ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ФОРМА
ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:**

1-ое л. мен жаз + ба +	я не писал, не написал;
ды + м	
2-ое л. сен жаз + ба + ды + ң	ты не писал, не написал;
сиз жаз + ба + ды +	Вы не писали, не написали;
ңыз	
3-ье л. ал жаз + ба + ды	он не писал, не написал.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. биз жаз + ба +	мы не писали, не написали
ды + к	

2-ое л. с и л е р ж а з + б а +
 д ы + н а р
 с и з д е р ж а в + б а +
 д ы + н ы з + д а р
 3-ье л. а л а р ж а з + ы ш +
 п а + д ы , ж а з + б а +
 д ы

вы не писали, не написали;
 Вы не писали, не написали;
 они не писали, не написали.

Вопросительная форма (положительная и отрицательная)
 ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. м е н ж а з + д ы + м +
 б ы ?
 ж а з + б а + д ы + м +
 б ы ?

написал ли я? писал ли я?
 не написал ли я? не писал ли я?

2-ое л. с е н ж а з + д ы + н +
 б ы ?
 ж а з + б а + д ы + н + б ы ?

написал ли ты? писал ли ты?
 не написал ли ты? не писал ли ты?

с и з ж а з + д ы + н ы з +
 б ы ?
 ж а з + б а + д ы + н ы з +
 б ы ?

написали ли Вы? писали ли Вы?
 не написали ли Вы? не писали ли Вы?

3-ье л. а л ж а з + д ы + б ы ?
 ж а з + б а + д ы + б ы ?

написал ли он? писал ли он?
 не написал ли он? не писал ли он?

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. б и з ж а з + д ы + к +
 п ы ?
 ж а з + б а + д ы + к +
 п ы ?

написали ли мы? писали ли мы?
 не написали ли мы? не писали ли мы?

2-ое л. с и л е р ж а з + д ы +
 н а р + б ы ?
 ж а з + б а + д ы + н а р + б ы ?

написали ли вы? писали ли вы?
 не написали ли вы? не писали ли вы?

с и з д е р ж а з + д ы +
 н ы з + д а р + б ы ?
 ж а з + б а + д ы + н ы з +
 д а р + б ы ? —

написали ли Вы? писали ли Вы?
 не написали ли Вы? не писали ли Вы?

3-ье л. а л а р ж а з + ы ш +
 т ы + б ы ? ж а з + д ы +
 б ы ?
 ж а з + ы ш + п а + д ы +
 б ы ? ж а з + б а + д ы +
 б ы ?

написали ли они? писали ли они?
 не написали ли они? не писали ли они?

Отдельные высказывания об этом аффиксе относятся еще к прош-
 лому столетию, а обобщающие работы, специально посвященные
 изучению этой формы и освещающие почти все высказывания уче-
 ных о нем, появились только в 1951 году.¹

Единая терминология для этой формы не выработана, но сама
 форма была подробно описана еще в „Грамматике алтайского язы-

¹ А. Н. Кононов. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. Тюркологический сборник. 1, М—Л, 1951, стр. 112—119;

Н. А. Баскаков. Причастие на -ды/-ты в тюркских языках. Труды Московско-
 го ин-та востоковедения, № 6. Москва, 1951, стр. 205—217.

ка¹, где она названа просто показателем прошедшего времени в схеме спряжения глаголов.

Авторы различных тюркологических работ, беря в основу те или иные стороны семантики этой формы и основываясь на ранее высказанных суждениях, называют ее „прошедшим категорическим“, „прошедшим временем I-м, объективным, недавно-прошедшим“, „настояще-прошедшим“, „прошедшим достоверным“, „прошедшим определенным“². Она выражает такое действие или состояние предмета, в котором говорящий принимал непосредственное участие или достаточно хорошо осведомлен о высказываемом. Одним словом, говорящий имеет о действии конкретное представление.

В отношении происхождения этой формы также имеются весьма различные мнения, которые подробно представлены в работах А. Н. Кононова и Н. А. Баскакова.³

А. Н. Кононов, разбирая форму на *-ды*, еще в своей „Грамматике турецкого языка“ дал библиографическую справку о высказываниях отдельных учёных о происхождении *её*⁴ (взгляды К. К. Дмитриева, В. М. Насилова, А. П. Поцелуевского и др.), а в последней статье дал свою, отличную от взглядов перечисленных авторов, точку зрения о происхождении этой формы, попутно остановившись на показателе I л. множественного числа на *-к*.

Как указывает А. Н. Кононов, многие авторы возводят аффикс *-ды* к отглагольному имени *-ды* (*-ты*) (Мелиоранский); *-ыт* (Броккельман, Поцелуевский); *-туру* (Радлов). Другие выводят ее из деепричастия (С. Е. Малов) и, наконец, сам автор, формообразующим элементом *её* считает аффикс *-ды*, но в отличие от других авторов рассматривает аффикс *-ды* как древнюю форму аффикса принадлежности 3-го л. (совр. *-сы*).⁵

Некоторые авторы, перечисленные А. Н. Кононовым, считали форму на *-к* также показателем отглагольного имени и по своему происхождению явлением позднейшим, чем форма на *-мыз*. В противоположность такому взгляду, А. Н. Кононов пишет, что „...форма типа *йаз-ды-к* (равно как и *йаз-са-к*) возникла еще до образования „личного“ спряжения, а в дальнейшем, в парадигме „личного“ спряжения она закрепилась в полном соответствии со своей семантикой за I-м л. мн. ч. Следовательно, представленное в орхонских памятниках и некоторых живых тюркских языках „симметричное“ спряжение *й аз -ды -м, й аз -ды -мыз* есть явление более позднее, морфологическим фундаментом для которого послужила та же форма *й аз ды*“⁶. Аффикс же *-ды* || *-сы*, в свою очередь, по утверждению А. Н. Кононова, происходит от указательного местоимения *ити* (итин) „вот

¹ Грамматика алтайского языка: 1869, стр. 78.

² Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, М—Л, 1948, стр. 140;

Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка, М—Л, 1940, стр. 172;

И. А. Батманов. Грамматика киргиз. языка, вып. III, Фрунзе, 1940, стр. 41;

Н. Т. Сауранбаев. Семантика и функции деепричастий в казахском языке.

Алма-Ата, 1944, стр. 18 и др.

³ А. Н. Кононов. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. Тюркологический сборник, I, М—Л, 1951. Н. А. Баскаков. Причастие на *-ды* /-ты в тюркских языках. Труды Московского института востоковедения, № 6, Москва, 1951.

⁴ А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка, М—Л, 1941, стр. 134.

⁵ А. Н. Кононов. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. Тюркологический сборник, I, стр. 115.

⁶ Там же, стр. 115.

этот¹, „тот“, „там (не далеко)“, характерного для якутского языка.¹ Такое толкование происхождения формы на -ды нуждается в более подробном обосновании хотя бы потому, что соответствие т (д) || ш (с) (на примере горно-алтайского ту—вот тот, в других тюркских языках шу, су даже ушу, ушул) в тюркских языках не закономерный, а лишь частный случай.

Несколько иное, отличное от взглядов А. Н. Кононова, толкование дает Н. А. Баскаков, который исходной формой этого аффикса считает образование на -дык (с фонетическими вариантами), а -ды || -ты, по его мнению, является вариантом „с редуцированным и исчезнувшим конечным согласным“.² По отношению же третьего варианта (т. е. -т или -ыт || -ит) он пишет, что этот вариант, сохранивший только конечный согласный и, в зависимости от основы глагола, усложняющийся препозиционным гласным, т. е. „-т“ или „-ыт“ („-ит“).³

В статье Н. А. Баскакова довольно подробно изложены случаи употребления форм на -ды, -ыт в именном значении.⁴

В выводах он заключает, что „эта форма является исторически причастной формой, а не именем действия“.⁵

Но, как отмечает автор, в цепи дальнейшего развития „форма на -ыт || -ит является более поздней ступенью фонетического развития аффикса -дыг || -дыг“.⁶

Возражая против объяснения П. М. Мелиоранского и О. Бётлингка, он пишет, что поскольку эти формы происходят не от имени действия, а от причастия, то личные аффиксы, сочетающиеся с образованием на -ды, происходят от: ал-ды (гъ) -м (ан); ал -ды (гъ) -(сын) нь; ал -ды (гъ) и т. д. по аналогии, например, с прошедшим временем в алтайском языке; где ал -гъ -ан—ман > алгъа (н) -м (ан); ал -гъ ан—сынъ > ал -гъа (нь) -н; ал -г ан и т. д.⁷

Факты киргизского языка убеждают в том, что образование на -ды в настоящее время осознается только как чистая и нерасчленимая глагольная форма, ибо в киргизском языке нет основ типа ал д, бер д, кел д, кетт и др. А в составе форманта -ды нет оснований усматривать притяжательный аффикс III л., т. е. —ы.

В отношении показателя 1 л. мн. числа также существуют различные мнения. Профессор А. Н. Кононов полагает, что аффикс -к выражал понятие принадлежности 1 л. мн. ч. и представление о множественности, исходя из того, что он встречается, в „й ан -а -к—щека, щеки“, „ай -а -к—нога, ноги“, „кул -а -к—ухо, уши“ и т. п.⁸ Теперь доказано, что притяжательного типа спряжения в тюркских языках не было.⁹

Во взятых примерах (названия парных частей тела) не объяснено значение форманта „а“. Нам кажется, что в приведенных приме-

¹ А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка, стр. 115. (Транскрипция в примерах заменена. Б. О.)

² Н. А. Баскаков. Причастие на -ды || -ты в тюркских языках, Труды Московского института востоковедения, № 6, стр. 206.

³ Там же, стр. 207.

⁴ Подобные случаи характерны и для киргизского языка: кесинди, тууранды, таштанды, калдык.

⁵ Там же, стр. 213.

⁶ Там же, стр. 213.

⁷ Там же, стр. 214.

⁸ Тюркологический сборник, 1. М—Л, 1951, стр. 118.

⁹ См. ст. Г. Д. Санжеева „Спорные вопросы в изучении грамматического строя узбекского языка“ (Сб. „Вопросы узбекского языкознания“. Ташкент. 1954, стр. 57).

рах имеется аффикс -ак, а не -а и -к, и он ничего общего не имеет с аффиксами -ды+к. Кроме того, аффикс -к как притяжательный с именами никогда не употребляется. Например, говорят: ат+ым (моя лошадь), ат+ыбыз (наша лошадь), но не ат+ык и т. п.

Относительно древности формы на -к, сравнительно с -мыз, может быть, А. Н. Кононов действительно прав, ибо, как он указывает, в одних тюркских языках показателем 1 л. мн. ч. выступает только аффикс -мыз, как и в языке памятников древнетюркской письменности, в других—употребляются параллельно оба аффикса (т. е. -мыз и -к) с одной и той же формой на -ды, например, в горно-алтайском: ойно -ды -быс и ойно-ды -к (мы играли). В ташкентском говоре узбекского языка отмечено образование типа -димиз (келдимиз—мы пришли и т. п.) На наличие аффикса -дук в некоторых памятниках, наряду с аффиксом -димиз, указывает и А. К. Боровков.¹ В киргизском же языке с формой на -ды употребляется только аффикс -к (ал+ды+к—мы взяли), а с аффиксом -чу, не только -быз, но иногда также и -к (-чу+к).

В своей работе „Араб-Филолог о турецком языке“ П. М. Мелиоранский по этому вопросу писал, что в современном азербайджанском языке это окончание „-к“ вытеснило во всех формах 1-го лица множественного числа первоначальное „-мыз, -быз“ или „-ыз, -з“, что может быть объяснено уже исключительно действием „аналогии“.² По этому вопросу есть некоторая связь во взглядах А. Н. Кононова и Н. А. Баскакова, но, в отличие от первого, Н. А. Баскаков показатель множественного числа 1 лица -к не отделяет от -ды.³ Однако он не решает этот вопрос со всей категоричностью, допускает два предположения: „Либо форма ал -дыкъ представляет собой фонетически полную основу спряжения прошедшего времени на -ды, т. е. ал -дыкъ (ал -дыгъ) без оформления её аффиксом лица“. И далее: „Либо форма 1 ал -ды -гъ является стяженной формой, исторически восходящей к фонетически полной исходной форме 1 ал -дыгъ -лыкъ, т. е. состоящей из основы глагола, аффикса причастия -дыгъ и аффикса множественности „лыкъ“ (ср. каракалпакский, н. -уйг. лык—полно, много), редуцированной в процессе фонетического развития и принявшей современный звуковой состав 1 ал -ды (гъ) -(лы) къ“⁴. По аналогии приводит слова типа „алайлик“ или „алайли“ в уйгурском, как и в казахском и каракалпакском языках. Такое объяснение требует еще доказательств.

Однако все это не исключает возможности предположения вслед за П. М. Мелиоранским („Араб-Филолог“), что аффикс -к был перенесен в прошедшее категорическое из какой-нибудь другой формы по закону так называемой „аналогии“ (см. стр. LXXI—LXXII).

Следует отметить еще одно замечание А. Н. Кононова, что аффикс 1-го л. мн. числа желательной (повелительной) формы, имеющей в своем составе в большинстве тюркских языков элемент -к

¹ А. К. Боровков. Ценный источник для истории узбекского языка, Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка, том VIII, вып. 1, 1949, стр. 76. Его же. Очерки истории узбекского языка II, Советское востоковедение, VI, 1949, стр. 44. Его же. Из материалов для истории узбекского языка. Тюркологический сборник, 1, 1951, стр. 77, сноска 39.

² П. М. Мелиоранский. Араб -Филолог о турецком языке, стр. XXII.

³ Н. А. Баскаков. Причастие на -ды / -ты в тюркских языках. Труды Московского института востоковедения, № 6, стр. 207.

⁴ Там же, стр. 216.

(бар+алык, бар+айлык, бар+айык, якутский бар+иах—пойдем-ка), не имеет ничего общего с аффиксом -к в форме прошедшего времени¹.

Здесь автор расходится во мнении с Н. А. Баскаковым, который происхождение формы -к рассматривает именно в сопоставлении с такими формами, как бар+алык и т. д.

Нам кажется, что в показателях множественности условного наклонения типа алсак, желательного алалык, прошедшего алдык принципиальной разницы нет, как и в образовании 1 л. мн. ч. от служебного слова эле (эле-мы были).

Не вдаваясь больше в рассуждения о происхождении этой формы, перейдем к рассмотрению некоторых особенностей ее в киргизском языке.

В схеме спряжения формы на -ды имеются отдельные несоответствия в оформлении III л. мн. ч. В киргизском языке употребляются образования типа: „алар ал+ыш+ты и алар ал+ды—они взяли“ (как и в горно-алтайском языке ойно+ды+лар и ойно+ды—они играли).

В других же языках употребляется образование типа ал+ды+лар. Как указывал Н. К. Дмитриев, „первоначально для 3-го лица обоих чисел употреблялась одна форма (то же и в собственной категории принадлежности): алд -ы $\frac{\text{он}}{\text{онн}}$ взял, взяли и килд-е $\frac{\text{он}}{\text{онн}}$ пришел, пришли“.² Следовательно, формы на -ыш+ты и -ды+лар являются уже вторичными образованиями.

В схеме спряжения в киргизском языке имеется еще другая особенность в показателе 2 лица множ. числа обычной формы с местоимением си+лер (а не сиз+дер). Здесь начальный „л“ аффикса множественности выпадает, образуется сочетание -ды+н+ар (вместо ожидаемого -ды+н+лар), т. е. силер ал+ды+н+ар, а не ал+ды+н+дар. Но, в отличие от литературного языка (как диалектная разновидность), форма ды+н+дар встречается в говорах Чуйской долины (в западных районах Фрунзенской области, часть населения которой живет по соседству с казахами, а некоторые с „чалаказаками“)³.

Хотя аффикс -ды, в общей сложности, употребляется при выражении конкретного действия, имевшего место в прошлом, тем не менее он имеет несколько оттенков в своем значении. Так, авторы школьных грамматик называют эту форму одной из форм недавно прошедшего времени (недавнопрошедшее конкретное время—берки айкын өткөн чак). Однако глагол, сочетающийся с данным аффиксом, употребляется не только для того, чтобы выразить действие, совершенное в недавнем прошлом (т. е. вчера, сегодня утром и т. д.), но выражает и такое действие, которое, может быть, имело место очень давно, а говорящий убежден в его достоверности. Это обнаружива-

¹ А.Н. Кононов. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. Тюркологический сборник, I, стр. 117, сноска 3.

² Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 143.

³ Например „чалаказакы“ Сталинского района, в отличие от „чалаказакы“ других мест Киргизии, суть часть казахов, откочевавших в 80-х годах прошлого столетия из Тургая (Казахстан) в пределы Киргизии, но до сего времени сохранившие многие особенности своего языка, даже оказавшие некоторое влияние на язык соседних с ними киргизов. В настоящее время они являются членами колхоза „Красный Пахарь“ того же района. Название „чалаказакы“ дали им киргизы, с которыми они состоят в родственных связях. Их язык также подвергся сильному влиянию киргизского языка.

ется особенно в письменной речи, когда говорящий сообщает о давних событиях, участником которых, обычно, является он сам, или когда он говорит о другом (третьем) лице, которое совершило это действие или было участником того же действия. Например: Кыргыз элинин гимнасынын текстин жазышкандыгы үчүн эл акыны Аалы Токомбаев, Молдогазы Токобаев, Кубанычбек Маликов, Түгөлбай Сыдыкбеков деген жазуучуларыбыз толгон сыйлыктар менен сыйланышты—За написание текста гимна киргизского народа писатели: народный поэт Аалы Токомбаев, Молдогазы Токобаев, Тугельбай Сыдыкбеков награждены многими наградами". (К. Баялинов, Господин Пойнтонго менин сунушум).

Глагол с аффиксом -ды употребляется для выражения конкретного действия в прошлом, участником которого был сам говорящий. Например: „Мен өзүмдүн оюмду жазып, Лайлыкандан берип жибердим—я, написав свои думы, отправила (написанное) через Лайлыкан". „Мен келген кишиден жазганып тыттын түбүнө тура калдым—постеснявшись пришедшего человека, я остановилась у тута". (Жантошев К. Эки жаш).

Глагол на -ды употребляется для выражения прошедшего действия, совершенного вторым лицом, если говорящий был свидетелем этого действия, т. е. был сам его соучастником или знает достоверно о действиях второго лица. Например: „Сен ал кезде окуп жүрдүң—ты в то время учился". Здесь говорится о таком действии 2 лица, которое продолжалось некоторое время, но к моменту речи уже закончилось.¹

Глагол на -ды употребляется для выражения действия 3 лица, совершенного им в прошлом, свидетелем или участником которого был сам говорящий, либо тогда, когда ему достоверно известно о совершении этого действия из других источников. „Атам ары жагындагы коондордон алып келип, кесе баштады—Отец принес дыни, что были по ту сторону, и начал резать их". (Жантошев К. Эки жаш). В художественной литературе, когда автор говорит о действиях, совершенных его персонажами в прошлом, также употребляется глагол на -ды. Например: „Айша келин-кыздардын жанына олтуруп, ала келген газеталарды колуна алып, согушта болуп жаткан жаңылыктарды, Зоя Космодемьянская, Чайкина жөнүндө жазылган макалаларды аларга окуп берди—Айша, сев около девушек и молодых, взяв в руки захваченные с собою газеты, начала читать статьи, написанные о новостях войны, о Зое Космодемьянской, Чайкиной" (К. Баялинов, Бакыт).

Глагол на -ды во множественном числе (в форме -ыш+ты) упо-

¹ Второе лицо множественного числа выражается по-киргизски местоимением силер, которое, в отличие от некоторых других тюркских языков, где имеется сэнлар, сендер, силэ и др., утратило конечный „н" корня „сен"—ты". Глагол же, выражающий прошедшее время данного лица, в результате сочетания аффиксов, получает форму -ын+ар. Например „Силер ал кезде окуп жүрдүңөр—вы (несколько лиц) в то время учились". Здесь, вместо ожидаемого—ын+лар (или -ын+дар)—получается -ын -ар в результате выпадения начального „л" аффикса множественности. В отличие от казахского, узбекского и других языков, в киргизском происходит выпадение конечного „з" личного местоимения сиз (т.е. сиз+лер) но только в обычной форме 2-лица множественного числа, а вежливая форма 2-го лица мн. числа сохраняет свой конечный „з"(т.е. сиз+дер).

Алдейлеп мени өстүргөн
Апакем ыйлап зарладың.
(Токтогул, Кош, элим!).

Лелеяв, растившая меня
Мать (моя), плача, причитала.

Образование на -ды может употребляться при выражении отрицания факта действия или состояния, имевшего место в прошлом. Например: „Эки эркек тең кой оозунан чөп албаган момун: башка жолоочулардан өздөрүн бөтөнсүп, төмөн санагандай, жадаса тийиштүү орундарына толук ээ болушпады—Два мужчины, оба очень тихие, скромные, считая себя чужими при других спутниках, считая себя как будто ниже, не могли даже быть хозяевами своих мест“. (Т. Сыдыкбеков. Биздин замандын кишилери).

Подводя итоги сказанному, можно сказать, что прошедшее на -ды, во-первых, образуется от всех глагольных основ во всех лицах и в обоих числах как в положительной, так в отрицательной и вопросительной формах: Мен бардым, сен желбедиң, окудунбу? Во-вторых, аффикс -ды может сочетаться со сложными глаголами (келе жаттым, окуп отурдуң, кете бердик, уруп жиберисти и т. д.), где глагол, сочетающийся с аффиксом -ды, выступает в качестве функционально-вспомогательного, а основной глагол выступает в форме деепричастия.

Кроме того, с образованиями на -ды могут сочетаться служебные слова эле, экен (окудум эле, барды бекен? и т. д.), а сам глагол при этом принимает личные окончания. Здесь опять-таки, как и в первом случае, образование на -ды изменяется по всем лицам и числам.¹

Во всех этих случаях форма на -ды выражает такое действие или состояние предмета, которое совершилось самим говорящим, либо он был свидетелем действия, совершенного другими лицами, либо судит о них на основании достоверных данных, представляя себе действие конкретно и определенно. Поэтому правы авторы, которые называют образование на -ды прошедшим достоверным, конкретным, категорическим или определенным.

II. ПРОШЕДШЕЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ ВРЕМЯ, ОБРАЗУЮЩЕЕСЯ ПРИ ПОМОЩИ АФФИКСА -ГАН

Вторым из основных показателей прошедшего времени в киргизском языке является причастный аффикс -ган, -ген, -гон, -гөн, -кан, -кен, -кон, -көн, сочетающийся с личными окончаниями полного типа.

Схема спряжения на примере глагола „жаз — пиши“

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ФОРМА

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. мен жаз+ган+ я писал,
мын

¹ Обо всех этих случаях употребления формы на -ды с вспомогательными глаголами и об их синтаксических функциях будет сказано подробнее в разделе V.

2-ое л.	сен жаз+ган+ сын	ты писал,
	сиз жаз+ган+сыз	Вы писали,
3-ье л.	ал жаз+ган	он писал.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л.	биз жаз+ган+быз	мы писали,
2-ое л.	силер жаз+ган+ сыңар	вы писали,
	сиздер жаз+ган+ сыз+дар	Вы писали,
3-ье л.	алар жаз+ыш+кан, жаз+ган	они писали.

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ФОРМА

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л.	мен жаз+ба+ган+ мын	я не писал,
2-ое л.	сен жаз+ба+ган+ сын	ты не писал,
	сиз жаз+ба+ган+ сыз	Вы не писали,
3-ье л.	ал жаз+ба+ган	он не писал.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л.	биз жаз+ба+ган быз	мы не писали,
2-ое л.	силер жаз+ба+ ган+сыңар	вы не писали,
	сиздер жаз+ба+ ган+сыз+дар	Вы не писали,
3-ье л.	алар жаз+ыш+па+ ган, жаз+ба+ган	они не писали.

ВОПРОСИТЕЛЬНАЯ ФОРМА (ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ И ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ)

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л.	мен жаз+ган+ мын+бы?	я писал ли?
	жаз+ба+ган+мын+ бы?	я не писал ли?
2-ое л.	сен жаз+ган+ сын+бы?	ты писал ли?
	жаз+ба+ган+сын+ бы?	ты не писал ли?
3-ье л.	ал жаз+ган+бы?	он писал ли?
	жаз+ба+ган+бы?	он не писал ли?

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л.	биз жаз+ган+ быз+бы?	мы писали ли?
	жаз+ба+ган+быз+ бы?	мы не писали ли?

2-ое л.	силер жаз+ган+	мы писали ли?
	сынар+бы?	
	жаз+ба+ган+сың-	Вы не писали ли?
	ар+бы?	
	сиздер жаз+ган+	Вы писали ли?
	сыз+дар+бы?	
	жаз+ба+ган-сыз+	Вы не писали ли?
	дар+бы?	
3-ье л.	алар жаз+ыш+	они писали ли?
	кан+бы?	
	жаз+ыш+па+ган+	они не писали ли?
	бы?	
	жаз+ган+бы?	
	жаз+ба+ган+бы?	

Вместе с тем необходимо остановиться на специфических отличиях в схеме спряжения образования на -ган в киргизском языке, которые мы наблюдаем в нем в отличие от других тюркских языков.

В этом отношении большой интерес представляет форма первого лица единственного числа. В положительной форме аффикс -ган для образования прошедшего времени сочетается непосредственно с основной глагола и имеет свои фонетические варианты -ган, -гон, -ген, -гөн, -кан, -кен, -кон, -көн, затем уже следуют личные аффиксы.

В киргизском языке имеется три разновидности форм 1 лица: 1) полного типа, например: мен алганмын—я брал, где полностью сохраняются звуковой состав аффикса времени и аффикса сказуемости; 2) вариант типа „алгамын—я брал“, где конечный „н“ аффикса времени выпадает, а звуковой состав аффикса сказуемости сохраняется; 3) стяженный тип, когда выпадают конечные „н“ аффикса времени и два последние звука личного аффикса, т. е. остается один „м“, например, алгам.¹

В школьной грамматике киргизского языка и среди практиков-языковедов существует мнение, что из всех трех типов, якобы, только первый является литературным, встречающимся в письменном языке, а два последние встречаются только в устной речи. Однако, с этим мнением согласиться нельзя, ибо вторая форма очень часто, третья—реже встречаются и в письменной речи. Например: „Сен эмес, сен өндүүнүн эчендерин көргөмүн—я видел не только тебя, но и многих тебе подобных“. „Сен эмес эчендин канын төккөмүн—(я) пролил кровь не только твою, но и многих, тебе подобных“. (К. Жантошев. Эки жаш). Или даже: „Башканын коюн жайгам, байдын колун карагам—(я) пасовец чужого, зависел от другого (дословно: смотрел на руки другого)“. (Уметалиев Т. Акмат жылкычыга.)

В устной речи два последних варианта не являются диалектными особенностями, а употребляются повсеместно.

Описывая этот аффикс в горно-алтайском языке, Н. П. Дыренкова отмечала, что „факультативно существует стяженная форма глагольного имени настоящего -прошедшего времени. После основ на гласный гортанный согласный аффикса может исчезнуть и заменяться долготой гласного: дьуртаан наряду с литературной формой

¹ Аналогичное явление характерно и для казахского языка.

д-ь у р т а г а н „живший“, живущий“, т а ш т а а н наряду с т а ш т а г а н „брошенный“. В отрицательной форме: б а р б а а н наряду с б а р б а г а н „не уехавший“, к е л б е е н наряду с к е л б е г е н „не приехавший“.¹

В отличие от алтайского, в киргизском в результате стяжения выпадает не начальный „г“, а конечный „н“ под влиянием последующего „м“ личного аффикса 1-го лица единственного числа²; во вторых, образование долгого гласного в горно-алтайском языке происходит, когда эта форма употребляется в значении причастия прошедшего времени.

В третьем же случае, наряду с выпадением конечного „н“ аффикса времени, выпадают и остальные звуки (т. е. -ы н) личного аффикса, а остается только показатель 1-го лица „м“.

По своему происхождению эти две формы (т. е. -га -мы н и -га -м) по сравнению с -ган -мы н (или же -ган -ман для некоторых языков) являются вторичными или стяженными, тем более, что в ряде других языков сохраняются полные формы. Например, в башкирском языке в 1-м лице единственного числа употребляется только форма -г а н -м ы н.

Если аффикс -ган в киргизском языке в 1-м лице единственного числа в прошедшем времени имеет три варианта, то такое явление наблюдается и в некоторых других тюркских языках. В горно-алтайском языке форма на -г а н может выражаться в первом лице единственного числа в виде -г а м и -г а н ы м (-кам, -каным -гө м, -гөн им, -гем, -гени м). Например, чтобы выразить: „Я вышел (или поднялся)“, говорят: м е н ч ы к к а м или ч ы к к а н ы м.

В первом случае точно так же, как и в киргизском языке, в результате сочетания носовых согласных аффикса времени „н“ и начального „м“ личного аффикса конечный согласный аффикса -ган выпадает. Во втором же случае в горно-алтайском языке, вместо ожидаемого -г а н м ы н, возникает сочетание -г а н ы м.

Можно предпологать, что форма -г а н м ы н должна быть древнее стяженных форм -г а м ы н и -г а м, т. к. процесс их стяжения ясен из материалов киргизского языка.

В отношении формы 2 лица единственного числа киргизский язык не имеет никаких существенных отличий от других тюркских языков, кроме вежливой формы -с и з, которая в киргизском языке до сего времени неправильно причисляется к множественному числу.

В 3-м лице также нет никаких существенных отличий.

2-е же лицо множественного числа имеет две формы, одной из которых является обычная множественная форма по типу—„силер алган сыңар—вы брали (взяли)“, где аффикс времени в положительной форме сочетается с основой глагола, а затем уже идут личный аффикс 2-го лица единственного числа и аффикс множественности -лар, начальный „л“ которого в казахском языке переходит в „д“, а в киргизском совершенно отпадает, сохранив только -ар, а в некоторых языках -гар.

Но в устной речи встречаются случаи, когда -дар сохраняется полностью, но в качестве формы 2-го лица употребляется не с е н д е р, как в казахском, а с и л е р, как например, „силер барган сыңар, силер кирген сіндер—вы ходили, вы пришли“³

¹ Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка, стр. 145.

² Здесь, очевидно, нм → мм → м.

³ Подобное явление характерно для говоров, о которых указывалось на 14 стр.

Другой формой 2-го лица множественного числа является так называемая вежливая форма, которая, в отличие от обычной, выражает вежливое обращение ко 2-му лицу во множественном числе. Это 2-ое лицо оформляется присоединением к вежливой форме -сыз аффикса множественности -дар в виде -дер (вместо „сизлэр, силэ“ и др. в некоторых других языках). Например: „Сиздер баргансыздар—Вы (уже) ходили“, „сиздер келгенсиздер—Вы (уже) пришли“. В 3-м лице множественного числа, в отличие от некоторых других тюркских языков, между основой и аффиксом -ган вводится аффикс взаимного залога -ыш или -ш. Например: „Кече күнү абышканын ангемесин уккан бир топ жоокер жөнөп кетер алдында кемпир -чал менен атайын коштошкону келишкен—Несколько бойнов, которые вчера слушали рассказ старика, перед отправлением специально пришли проститься со стариками“. (С. Сасыкбаев, Нурлан). В ряде других языков аффикс времени сочетается непосредственно с основой глагола, а потом уже за ним следует аффикс множественности, например: алган-дар в башкирском, алган-лар—в узбекском, олор алган -дар или алган в горно-алтайском и т. д.

Для выражения 3-го лица множественного числа также употребляется форма единственного числа, как в алтайском и казахском языках, где множественность устанавливается по контексту речи, в частности, выводится из значения подлежащего, которое всегда стоит в таких случаях во множественном числе. Например: „Алар кече шаардан келген—Они вчера пришли из города“.

В схеме спряжения отрицательной формы есть также некоторые особенности, которые соответствуют положительной форме. Так, аффикс отрицания -ба (-па, -бе, -пе, -бо, -по, -бө, -пө) сочетается непосредственно с основой глагола, а после него следуют аффикс времени, личные аффиксы и аффиксы множественности. Например: „Сен бул романды окубаганың—Ты не читал этого романа“.

Три варианта 1-го лица единственного числа, о которых мы говорили, сохраняются и в отрицательной форме: „мен барбаганмын, барбагамын, барбагам—я не ходил“ и т. д.:

Мындан мурун кыргыз эл

Мындай сонун болгон.

Сталиндик кызыл туу

Берлинге барып орногон.

(Б. Алыкулов, Кыргыз эл).

Прежде киргизский народ
Таким прекрасным не был.
Сталинское красное знамя
Водрузилось в Берлине.

„Бул келиндин табышмактап айтпай койгон атын жана сырын билүүнү мурунтадан ойлосом да, сөздүн кыйшыны келбеген—Хотя я и раньше хотел узнать загадочное и неназванное имя и тайну этой молодухи, но не представлялась для этого возможность в разговоре. (К. Жантошев, Эки жаш). Эти формы в разговоре, а также в литературе, часто заменяются отрицательными оборотами: „барган эмесмин, барган жокмун или барганым жок—я не ходил“ и т. д.

Во втором лице единственного числа нет особенных отличий, если не отметить тех отрицательных оборотов, которыми заменяется спрягаемая отрицательная форма бар-ба-ган-сың и бар-ба-ган-сыз. Таковыми являются: барган эмессиң, (эмессиз); барган жоксуң (жоксуз); барганың (ың) жок.

Форма третьего лица в устной речи, а также в литературе, употребляется редко, часто заменяется оборотами типа: „ал алган эмес, алган жок или алганы жок—он не взял“.

Множественное число так же, как и единственное, заменяется оборотами этого образца: „Биз барган эмеспиз, барган жокпуз, барганыбыз жок—мы не ходили“.

„Сиздер барган эмессиздер, барган жоксуздар, барганыңыздар жок—Вы (вежливое обращение к нескольким лицам) не ходили“.

„Силер барган эмессинер, барган жоксунар, барганыңар жок—вы (обычная форма 2-го лица множественного числа) не ходили“.

„Алар барышкан эмес, барышкан жок—они не ходили“ и т.п.

Аффикс -ган, как указывалось выше, входит в состав тех морфологических показателей, которые на материале различных тюркских языков достаточно изучены и описаны, и в качестве выразителя прошедшего времени встречаются во многих из них.

Однако этот аффикс не является характерным для всех тюркских языков. В некоторых из них его эквивалентом является форма -мыш, которая также встречается и в киргизском языке, но только в окостеневших образованиях типа: турмуш (жизнь), болмуш (бытие), жазмыш (судьба), кылмыш (преступление) и в служебном слове имиш (эмиш), которое в сочетании с основным глаголом выражает смутное предположение или догадку говорящего о чём-нибудь. Например: „Айша келген имиш—кажется, приехала (пришла) Айша“. Кроме того, эта форма встречается и в собственных именах типа Токтомуш (наравне с Токтогон), которые происходят от нарицательных имен. Эту форму не нужно смешивать с другой -мыш, которая является продуктивной и налична в киргизском языке в виде -ымыш; например: „ал жазымыш болуп отурат—он сидит, как будто что-то пишет“. Она употребляется, когда говорящий относится к действию другого лица с пренебрежением, с недооценкой или насмешкой.

Хотя в современном турецком и других языках, входящих в южную группу тюркских языков, аффикс -ган как показатель прошедшего времени не употребляется, тем не менее в значении причастия встречается (в турецком языке) образование на -ан, -ен как показатель причастия настоящего времени: этот формант восходит к афф., -кан, -кен.¹ Например: язан—пишущий, гелен—приходящий и т. д.²

В ряде работ форма на -мыш также характеризуется как показатель прошедшего времени для некоторых тюркских языков южной группы. Одновременно она выступает и в качестве показателя глагольно-именной формы, т. е. причастия.³

¹ А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка, стр. 151. Об этом же см. статью Н. К. Дмитриева „Аффикс -ган в ново-османском языке“, опубликованную в „Докладах Академии наук СССР“, 1926, стр. 67—70.

² Примеры взяты из упомянутой работы А. Н. Кононова. (Транскрипция за менена, Б. О.)

³ См. П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина, стр. 35. Его же. Араб-Филолог о турецком языке, стр. LXI; Н. К. Дмитриев. К вопросу о значении османской глагольной формы на „-мыш“. Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР, т. II, вып. I, 1927, стр. 91—96; Его же. Грамматика башкирского языка, стр. 200; Его же. Грамматика кумыкского языка, стр. 146; А. Н. Кононов. Турецкая глагольная форма на „-мыш“ (Ученые записки Ленинградского госуниверситета № 20, серия филологических наук, вып. I, 1939. Его же. Грамматика турецкого языка, стр. 219 и др.

Она, в отличие от формы на -мыш, в древнетюркских памятниках не встречается, но о наличии этой формы уже в текстах, относящихся к XIV в., указывают Малов С. Е. и Боровков А. К.¹ Еще раньше это отмечал П. М. Мелиоранский.²

Образование на -ган в киргизском языке выступает в качестве глагольно-именной формы, выражающей время глагола, когда она употребляется в предложении в качестве сказуемого. Эта форма может выступать в предложении в роли подлежащего, определения, дополнения и др., приобретая значение имени действия.³

Исходя из семантики и функции формы на -ган, различные авторы называют её по-разному. Некоторые из тюркологов эту форму называют причастной. Так Н. К. Дмитриев пишет, что „по своему смысловому содержанию форма с аффиксом -ган и т. д. весьма многогранна: это не только причастие прошедшего времени.., но и отглагольное имя, указывающее: а) процесс; б) результат действия. В качестве отглагольного имени эта форма обыкновенно осложняется еще аффиксами принадлежности: алган-ым—„мое взятие“—а) тот факт (то обстоятельство), что я взял // брал, или б) то, что я брал // взял, т. е. предмет, взятый мною“.

То же обнаруживается и в значении киргизской формы ср.: алганым—тот, который меня взял (мой муж). Время, выраженное аффиксом -ган, в тюркологической литературе называется „прошедше-настоящим“, „прошедшим недатированным временем“, „прошедшим перфективным“, „совершенным неопределенным“⁴ и т. д.

В южной группе тюркских языков форма на -дык как отглагольное имя является „центром, передающим содержание придаточного предложения“⁵, и сочетается с различными падежными аффиксами.

В киргизском же языке эту функцию выполняет форма на -ган уже в значении имени, когда она сочетается с различными падежными окончаниями. Например, „Ал муну көргөндө өтө таңкалды—при виде этого он очень удивился=когда он увидел это, сильно удивился“.

Как видно из схемы спряжения, в киргизском языке имеются некоторые существенные отличия в употреблении аффикса -ган в позиции сказуемого, не говоря уже о тех его функциях, которые выходят за пределы прошедшего времени.

Первоначально по функции аффикс -ган, повидимому, выражал прошедшее время, что вскрывается на фактах ряда тюркских языков. Глагол в сочетании с аффиксом -ган переходит в категорию причастия, когда он склоняется по падежам и в предложении выполняет роль подлежащего и второстепенных членов предложения. Принимая же

¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 340; А. К. Боровков. Очерк истории узбекского языка, II. Советское востоковедение, VI, 1949, стр. 140; Его же. Из материалов для истории узбекского языка. Тюркологический сборник, I, 1951, стр. 75, сноска 12.

² П. М. Мелиоранский. Араб-Филолог о турецком языке, стр. LIX—LXIV.

³ И. А. Батманов. Грамматика киргизского языка, вып. III, стр. 17—22, где разработана причастная функция образования на -ган в киргизском языке и вопрос о его сочетании с различными аффиксами. В нашу задачу входит освещение только временной функции формы на -ган.

⁴ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 155—156.

⁵ См. там же, стр. 161. И. А. Батманов. Грамматика киргизского языка, в. III, стр. 17. А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка, стр. 171. В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка, стр. 101—102 и т. д.

⁶ А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка, стр. 241.

после себя личные окончания (или без них в 3-лице единственного числа), эта форма указывает на прошедшее время и в таком виде выступает в предложении в качестве сказуемого.

Когда образование на -ган употребляется в киргизском языке в глагольном значении, оно все-таки указывает на действие прошедшее, а не на настоящее состояние. Вместе с тем, она является формой, выражающей как бы предпрошедшее время по отношению к форме на -ды. В таком случае образование на -ган является сказуемым придаточного предложения, выраженным именем действия, стоящим в местном падеже. Например: Сен келгенде биз окудук —Когда ты пришел, мы читали“, или же „Ал кубанганынан чекеси да тердеп кетти—От радости у него вспотел даже лоб“.

Основное же отличие формы на -ган от формы на -ды состоит в том, что она выражает не конкретное, а неопределенное действие, совершённое вообще в прошлом. Например, в предложении „Мен келдим—я пришел“ выражается факт моего прихода, не подлежащий сомнению. Предложение „Мен келгенмин, келгемин или келгем—я пришел (вообще)“ не может указывать на конкретное прошедшее время, а только подтверждает, что действие было совершено мною вообще в прошлом.

Когда образование на -ган выражает прошедшее время, то этот аффикс очень часто сочетается с аффиксом предположения -дыр. Семантика такого сочетания существенно отличается от значения обычного образования на -ган. Например, если говорят: „Айша шаардан келген—Айша пришла из города“, то здесь говорящий сообщает о факте с уверенностью (факт для него не подлежит сомнению), хотя описываемое действие не относится к конкретному, определенному отрезку времени. Если же говорят: „Айша шаардан келгендир—Айша, наверное, прибыла из города“, то здесь о совершённом кем-то действии говорящий только предполагает; больше того, такое действие, может быть, совсем не имело места в прошлом. Если говорят: „Мен шаардан келгендирмин—Я, наверное, приходил из города“, то здесь даже говорящий не может точно сказать, совершилось ли такое действие или нет. В таком случае действие должно будет относиться к самому отдаленному прошлому, о котором говорящий имеет смутное представление или предположение. В таких случаях очень часто перед сказуемым употребляется наречие „балким — может быть“. Такая форма может выражать даже личное предположение говорящего с оттенком вопроса.¹ Например, „Уулум ойгонгондур. Ала мойнок кучугу менен ойногондур. Балким, атасын да ойлогондур — Сын (мой), может быть, проснулся. Может быть, играет со (своим) пестрым щенком. Может быть, вспомнил отца“. (Т. Сыдыкбеков, Күтүү).

Сөз менен башкалар айтып жеткиргендир—Наверное, другие сообщили устно“. (К. Маликов, Ленинград согуш күндөрүндө).

В киргизском языке форма на -ган выражает собою одну фазу времени, т. е. прошедшее неопределенное. Для выражения же давнопрошедшего времени образование на -ган сочетается с вспо-

¹ Такое сочетание образования на -ган с аффиксом -дыр называется в школьной грамматике „күдүк өткөн чак—прошедшее предположительное время“. Само же образование на -ган рассматривается в школьной грамматике как показатель давнопрошедшего времени.

могательными глаголами бол, э и др., о чем будет указано при разборе сложных глагольных форм, выражающих прошедшее время.

Синтаксические функции образования на -ган, о которых мы попутно упомянули в начале данного раздела, очень разнообразны. Они раскрыты в трудах Н. К. Дмитриева, И. А. Батманова, А. Н. Кононова и других. Эта форма, выражая прошедшее время, как уже указывалось, в предложении выполняет роль сказуемого. Например: „Ал башка балдар сыяктуу, оку усуну устуртөн карабай, дайым жакшы окуй турган—Он не как другие дети не относился легко к учебе, (а) учился хорошо“. (К. Жантошев, Чолпонбай).

В сложных синтаксических построениях она выступает в качестве сказуемого главного предложения. Например: Сансыз Кашкардан келип, эки күн үч түн жатып, бүгүн таңга жуук үй-бүлөсү менен кош айтышкан—Сансыз, приехав из Кашгара, пролежав два дня и три ночи, сегодня перед рассветом распростился с семьей (умер)“. (К. Жантошев, Каныбек).

Форма на -ган употребляется не только для выражения давнопрошедшего времени, как это говорится в школьных грамматиках, она употребляется также во многих случаях для выражения действительных, совершённых в сравнительно недалеком прошлом, но законченных к моменту речи. Например: Эткөн жылы сабатсыздар мектебинде окуганбыз—(мы) в прошлом году учились в школе неграмотных“. (К. Жантошев, Эки жаш).

Здесь следует отметить, что момент действия еще уточняется обстоятельственным словом „эткөн жылы—в прошлом году“.

Исходя из изложенного, можно прийти к выводу, что форма на -ган как показатель прошедшего времени выражает прошедшее неопределенное время, а по сравнению с формой на -ды она выступает в значении прошедшего предварительного времени.

Давнопрошедшее же время в киргизском языке, как и в башкирском и в других тюркских языках, образуется при помощи сочетания формы на -ган с вспомогательными глаголами э и др. Следовательно, раздел школьной грамматики, посвященный описанию формы на -ган, нуждается в уточнении, тем более, что там сочетание форм прошедшего времени с вспомогательными глаголами не рассматривается.

III. ПРОШЕДШЕЕ СУБЪЕКТИВНОЕ ВРЕМЯ, ОБРАЗУЮЩЕЕСЯ ПРИ ПОМОЩИ

АФФИКСА -ып+тыр.

При помощи аффикса -ып с личными показателями (-мын, -сың и т. д.) или сочетания аффикса деепричастия -ып с аффиксом предположения -дыр (в форме -тыр) с вариантом -ып+тыр в киргизском языке образуется прошедшее время с весьма различными оттенками значения. Так, например, оно выражает предположение, догадку, сомнение о когда-то совершившемся действии, при котором сам говорящий не участвовал, или выражает неожиданность, осознание действия лишь впоследствии. Эта форма также употребляется для выражения сочувствия по поводу когда-то совершённого действия и при передаче исторических событий. Этот аффикс может употребляться как при выражении давнопрошедшего, так и при выражении только недавнопрошедшего времени. Причем, время, выраженное этим аффиксом, обладает самостоятельностью, в отличие от времен, обра-

зубных при помощи аффиксов -ды и -ган и передающих различные хронологические оттенки действия.

Глагол с аффиксами -ып -тыр всегда является сказуемым в предложении. Например: „Менин китебимди сен алыптырсың—оказывается, мою книгу взял ты“. Когда сказуемое является составным, то аффиксы -ыптыр сочетаются с вспомогательным глаголом: „Сен биздикине келгенде, мен шаарга кетип калыптырмын (калыпмын)—оказывается, когда ты пришел к нам, я ушел в город“.

Фонетическими вариантами рассматриваемой формы являются: -ыптыр (-иптир, -уптур, -үптүр), -ыпыр (-ипир, -упур, -үпүр), -ыпмын (-ипмин, -упмун, -үпмүн) и др.

Схема спряжения образования на -ыптыр (-иптир, -уптур, -үптүр) на примерах глагола „бар—иди“ выражается в следующем виде:

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ФОРМА

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. мен бар+ып+тыр+	я (оказывается) ходил,
мын	
2-ое л. сен бар+ып+тыр+	ты (оказывается) ходил,
сың	
сиз бар+ып+тыр+	Вы (оказывается) ходили,
сыз	
3-ье л. ал бар+ып+тыр	он (оказывается) ходил.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. биз бар+ып+тыр+	мы (оказывается) ходили,
быз	
2-ое л. силер бар+ып+	вы (оказывается) ходили,
тыр+сыңар	
сиздер бар+ып+	Вы (оказывается) ходили,
тыр+сыздар	
3-ье л. алар бар+ыш+ып+	они (оказывается) ходили.
тыр, (бар+ып+тыр)	

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ФОРМА

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. мен бар+ба+п+	я (оказывается) не ходил,
тыр+мын	
2-ое л. сен бар+ба+п+	ты (оказывается) не ходил,
тыр+сың	
сиз бар+ба+п+	Вы (оказывается) не ходили,
тыр+сыз	
3-ье л. ал бар+ба+п+тыр	он (оказывается) не ходил,

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. биз бар+ба+п+	мы (оказывается) не ходили,
тыр+быз	

2-ое л. силер бар+ба+п+ тыр+сынар	Вы (оказывается) не ходили,
сиздер бар+ба+п+ тыр+сыз+дар	Вы (оказывается) не ходили,
3-ье л. алар бар+ыш+па+ п+тыр, (бар+ба+п+ тыр)	они (оказывается) не ходили.

ВОПРОСИТЕЛЬНАЯ ФОРМА (положительная и отрицательная).
ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. мен бар+ып+тыр+ мын+бы?	ходил ли я?
бар+ба+п+тыр+ мын+бы?	не ходил ли я?
2-ое л. сен бар+ып+тыр+ сын+бы?	ходил ли ты?
бар+ба+п+тыр+ сын+бы?	не ходил ли ты?
сиз бар+ып+тыр+ сыз+бы?	ходили ли Вы?
бар+ба+п+тыр+ сыз+бы?	не ходили ли Вы?
3-ье л. ал бар+ып+тыр+ бы?	ходил ли он?
бар+ба+п+тыр+бы?	не ходил ли он?

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. биз бар+ып+тыр+ быз+бы?	ходили ли мы?
бар+ба+п+тыр+ быз+бы?	не ходили ли мы?
2-ое л. силер бар+ып+ тыр+сынар+бы?	ходили ли вы?
бар+ба+п+тыр+ сынар+бы?	не ходили ли вы?
3-ье л. алар бар+ыш+ып тыр+бы? барып- тырбы?	ходили ли они?
бар+ыш+па+п+ тыр+бы? барбап- тырбы?	не ходили они?

2. Схема спряжения образования на -ыпыр, (-ипир,
-упур, -үпүр).

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ФОРМА
ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. мен бар+ып+тыр+	я (оказывается) ходил,
мын	
2-ое л. сен бар+ып+тыр+	ты (оказывается) ходил,
сын	
сиз бар+ып+тыр+	Вы (оказывается) ходили,
сыз	
3-ье л. ал бар+ып+тыр	он (оказывается) ходил.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. б̄ӣз̄ б̄а̄р̄+̄ы̄п̄+̄ы̄р̄+̄ быз	мы (оказывается) ходили,
2-ое л. силер бар+ып+ ыр+сыңар сиздер бар+ып+ ыр+сыз+дар	вы (оказывается) ходили, Вы (оказывается) ходили,
3-ье л. алар бар+ыш+ып ыр (бар+ып+ыр)	они (оказывается) ходили.

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ФОРМА

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. мен бар+ба+п +ыр+мын	я (оказывается) не ходил,
2-ое л. сен бар+ба+п+ ыр+сың сиз бар+ба+п+ ыр+сыз	ты (оказывается) не ходил, Вы (оказывается) не ходили,
3-ье л. ал бар+ба+п+ы р	он (оказывается) не ходил.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. биз бар+ба+п+ ыр+быз	мы (оказывается) не ходили,
2-ое л. силер бар+ба+п+ ыр+сыңар сиздер бар+ба+п+ ыр+сыз+дар	вы (оказывается) не ходили, Вы (оказывается) не ходили,
3-ье л. алар бар+ыш+па+ п+ыр (бар+ба+п+ ыр)	они (оказывается) не ходили.

ВОПРОСИТЕЛЬНАЯ ФОРМА (положительная и отрицательная).

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. мен бар+ып+ы р+ мын+бы?	ходил ли я?
бар+ба+п+ы р+ мын+бы?	не ходил ли я?
2-ое л. сен бар+ып+ы р+ сың+бы?	ходил ли ты?
бар+ба+п+ы р+ сың+бы?	не ходил ли ты?
сиз бар+ып+ы р+ сыз+бы?	ходили ли Вы?
бар+ба+п+ы р+ сыз+бы?	не ходили ли Вы?
3-ье л. бар+ып+ы р+бы? ал бар+ба+п+ы р+ бы?	ходил ли он? не ходил ли он?

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. биз бар+тып+ыр+	ходили ли мы?
быз+бы?	
бар+ба+п+ыр+	не ходили ли мы?
быз+бы?	
2-ое л. силер бар+тып+	ходили ли вы?
ыр+сыңар+бы?	
бар+ба+п+ыр+	не ходили ли вы?
сыңар+бы?	
сиздер бар+тып+	ходили ли Вы?
ыр+сыз+дар+бы?	
бар+ба+п+ыр+	не ходили ли Вы?
сыз+дар+бы?	
3-ье л. алар бар+тып+ыр+	ходили ли они?
бы? (бар+ыш+тып	
+ыр+бы?)	
бар+ба+п+ыр+бы?	не ходили ли они?
(бар+ыш+па+п+	
ыр+бы?)	

3. Схема спряжения формы на -ып.

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ФОРМА

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. мен бар+тып+мын	я (оказывается) ходил,
2-ое л. сен бар+тып+сын	ты (оказывается) ходил,
сиз бар+тып+сыз	Вы (оказывается) ходили,
3-ье л. ал бар+тып+тыр	он (оказывается) ходил.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. биз бар+тып+пыз	мы (оказывается) ходили,
2-ое л. силер бар+тып+	вы (оказывается) ходили,
сыңар	
сиздер бар+тып+	Вы (оказывается) ходили,
сыз+дар	
3-ье л. алар бар+	они (оказывается) ходили.
ып+тыр,	
бар+ыш+тып+тыр	

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ФОРМА

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. мен бар+ба+п+	я (оказывается) не ходил,
мын	
2-ое л. сен бар+ба+п+сын	ты (оказывается) не ходил,
сиз бар+ба+п+сыз	Вы (оказывается) не ходили,
3-ье л. ал бар+ба+п+тыр	он (оказывается) не ходил.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. биз бар+ба+п+пыз	мы (оказывается) не ходили,
2-ое л. силер бар+ба+	вы (оказывается) не ходили,
п+сыңар	

сиздер бар + б а + п +
 сыз + дар
 3-ье л. ал ар бар + б а + п +
 тыр, бар + ты ш + п а +
 п + тыр

Вы (оказывается) не ходили,
 они (оказывается) не ходили,

ВОПРОСИТЕЛЬНАЯ ФОРМА (положительная и отрицательная)

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. мен бар + ты п + мын + бы?	ходил ли я?
бар + б а + п + мын + бы?	не ходил ли я?
2-ое л. сен бар + ты п + сын + бы?	ходил ли ты?
бар + б а + п + сын + бы?	не ходил ли ты?
3-ье л. ал бар + ты п + пы?	ходил ли он?
бар + ты п + тыр + бы?	
бар + б а + п + пы?	не ходил ли он?
бар + б а + п + тыр + бы?	

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. биз бар + ты п + пыз + бы?	ходили ли мы?
бар + б а + п + пыз + бы?	не ходили ли мы?
2-ое л. силер бар + ты п + сын ар + бы?	ходили ли вы?
бар + б а + п + сын + ар + бы?	не ходили ли вы?
сиздер бар + ты п + сыз + дар + бы?	ходили ли Вы?
бар + б а + п + сыз + дар + бы?	не ходили ли Вы?
3-ье л. ал ар бар + ты п + лы?	ходили ли они?
бар + ты ш + ты п + пы?	
бар + б а + п + пы?	не ходили ли они?
бар + ты ш + п а + п + пы?	

Эта форма в киргизском языке имеет ряд специфических особенностей и отличий от некоторых других тюркских языков.

Параллельное использование трех вариантов формы на -ып (т. е. -ыптыр, -ыпыр, -ыпын) является одной из специфических морфологических особенностей киргизского языка в отличие от некоторых других тюркских языков.

В уйгурском языке также характерно параллельное употребление формы на -ып для выражения прошедшего времени, т. е. -ыпдур и -ып + личные окончания, но в уйгурском они не проходят по всем лицам и числам.¹

Идея прошедшего времени заложена в значении аффикса -ып

¹ См. В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка, стр. 95. Н. А. Баскаков и В. М. Насидов, Уйгурско-русский словарь, Москва, 1939 стр. 213.

(как при его сочетании с аффиксом предположения -дыр, так и при его выпадении, когда аффикс -ып непосредственно принимает личные окончания).

Форма -ыптыр по своему составу сложная, состоящая из аффикса деепричастия -ып и аффикса предположения -дыр.

Аффикс деепричастия -ып является одним из древних аффиксов в тюркских языках: он встречался еще в орхоно-енисейских надписях и отмечен П. М. Медиоранским, Ф. Е. Коршем, С. Е. Маловым, А. П. Поцелуевским, В. В. Решетовым и др. тюркологами.¹

Аффикс -ып также описывается во многих грамматиках тюркских языков и специальных исследованиях, посвященных деепричастиям, как показатель деепричастия прошедшего времени.² Для того, чтобы сопоставить формы -ыптыр с -ып (-мын, -сын, -сыз и т. д.), необходимо вскрыть некоторые специфические особенности значения аффикса -дыр и его различные функции.³

Форма -дурутур происходит от древнего причастия дурур, турур (в значении „стоять“, „пребывать“), в последующем развитии которого происходило постепенное выпадение его компонентов в виде: турур → тур. Из этих форм в этом же значении „стоять, пребывать“ оно встречается в казахском и киргизском языках.

Как диалектная разновидность в киргизском языке встречается туру; например: „ал жакшы туру“, вместо турат (он хорошо живет) или же: „ал үйүндө отуру“, вместо отурат — (в настоящее время он сидит у себя в доме) и т. д.

О наличии аналогичной формы в некоторых из тюркских языков отмечал и В. В. Радлов в своем „Словаре“⁴.

Но в современных тюркских языках этот аффикс в первоначальной своей форме сохранился не везде: он встречается в таких языках, как уйгурский (например, килип-ту(р)-мэн). Но в уйгурском языке конечный „р“ выпадает. Он сохранился также в киргизском языке в форме -дыр, -тыр (с фонетическими вариантами), например: мен барыптырмын, мен окуптурмуң и т. д.

Схема спряжения формы -ып(-мын, -сын, -сыз и т. д.), которая приведена в начале этого раздела, дает возможность проследить некоторые изменения, происходившие в ходе дальнейшего развития формы -ыптыр.

В киргизском языке употребляются параллельно три варианта этой формы, т. е. -ыптыр, -ыпыр и -ып с личными окончаниями, форму -ыптыр нужно считать более древней, чем форма

¹ Ф. Е. Корш. Происхождение формы настоящего времени в западно-тюркских языках. „Древности восточные“, т. III, вып. I, М. 1907, стр. 6; А. П. Поцелуевский. К вопросу о происхождении формы настоящего времени в тюркских языках юго-западной группы. Ашхабад, 1948, стр. 15; В. В. Решетов. О категории настоящего времени в узбекском языке. Доклады АН Уз. ССР, № 5. Ташкент, 1948, стр. 33; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 47.

² Грамматика алтайского языка, стр. 171—176; И. А. Батманов. Грамматика киргизского языка, вып. III, 30—36; Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 186—189; В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка, стр. 95—99; А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка, стр. 153. Его же. Грамматика узбекского языка, стр. 209; Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка, стр. 130—134; Н. Т. Сауранбаев. Семантика и функции деепричастий в казахском языке, стр. 34—42 и др.

³ В аффиксе предположения -дыр в киргизском языке, когда он сочетается с деепричастием прошедшего времени на -ып, начальный звонкий „д“ под влиянием глухого „п“ аффикса деепричастия переходит в „т“ (-тыр).

⁴ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. III, 1942-1945.

-ы п (-м ы н, -с ы н, -с ы з и т. д.), и вот по какой причине: для некоторых из тюркских языков образование прошедшего времени при помощи этого аффикса вовсе не характерно, как например, для башкирского, турецкого, алтайского и др.; в некоторых же языках встречается только последняя форма, т. е. без -ты р. Например, в казахском: „законченное прошедшее время изъявительного наклонения является особенностью казахского языка по сравнению с большинством тюркских языков, потому что такая форма изъявительного наклонения отсутствует во многих тюркских языках.

„Особенность этого времени изъявительного наклонения состоит в том, что оно образуется от деепричастия на „л“ путем присоединения к нему лично-местоименных окончаний 1, 2, 3 лица, которые благодаря звуковому закону (сингармонизма) изменяют свое внешнее начертание“...¹

В казахском языке схема спряжения этого образования выражается в таком виде:

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1. Мен алыппын
(я взял).
2. Сен алыпсың
(ты взял).
3. Ол алыпты
(он взял).

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1. Биз алыппыз
(мы взяли),
2. Сиздер алыпсыздар
(Вы взяли).
3. Олар алыпты
(они взяли).

В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Мен ёзибман
2. Сен ёзибсан
3. У ёзибти

1. Биз ёзибмиз
2. Сиз ёзибсиз
3. Улар ёзиптилар³.

Как видно из схемы спряжения этой формы в узбекском и казахском языках, видоизмененный аффикс -тур устойчиво сохранился в 3-м лице единственного и множественного числа (казахский: ол алыпты, олар алыпты; узбекск: у ёзибти, улар ёзибтилар). В уйгурском же языке аффикс -тур сохранился в 1-м, 2-м и 3-м лицах единственного и множественного числа: мэн килипту(р), биз килипту(р) миз, сэн килиптусэн, у килипту(р), биз килипту(р) миз, или килиптук. Сиз килипсиз, с(и) лэ(р) килипслэ, улар килипту(р).⁴

В киргизском языке, в отличие от казахского и узбекского, аффикс -ты р в полном своем звуковом составе сохранился как в 3-м лице множественного и единственного числа (употребляются параллельно оба варианта: ал барыптыр, алар барыптыр, барышыптыр), так и в остальных лицах.

Выпадение -ты р произошло в вопросительной форме (в положительной и отрицательной), однако и в ней может параллельно

¹ Н. Т. Сауранбаев. Семантика и функции деепричастий в казахском языке, стр. 19.

² То же, стр. 19.

³ А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка, стр. 176.

⁴ В. М. Насидов. Грамматика уйгурского языка, стр. 95. (Транскрипция заменена, В. О.).

употребляться аффикс -тыр (ал барыппы? барыптырбы? барбаппы? барбаптырбы? алар барыппы? барышыппы? барыптырбы? барышыптырбы? барбаппы? барышпаптырбы? барбаптырбы?).

Таким образом, при образовании второй формы (-ыпмын; сынсыз и т. д.) в ходе развития отдельных тюркских языков произошло постепенное выпадение отдельных компонентов аффикса -ту р.

Некоторые отклонения в киргизском языке (в смысле выпадения конечного „р“ аффикса -тыр в 3-м лице единственного и множественного числа) встречаем в записях В. В. Радлова.

Например: „Кара Ногай йамгырчы.
„Күрмөнтө—Шату салды дейт,
Ошу йердан көчүптү
Ила багына түшүптү¹

Однако, в другом месте этих же записей мы встречаем:

„сак саламат болуп тыр?
„сагынбай есан болуп тыр!²

Здесь, конечно, не могло быть обратного явления в развитии формы -тыр (т. е. восстановления когда-то выпавшего её элемента), ибо по закону языкового развития вышедший из употребления компонент какого-то аффикса обратно не восстанавливается. Этот момент еще раз доказывает, что в XIX в. два варианта этой формы были характерным явлением для киргизского языка.

Если во втором отрывке закон губной гармонии не соблюдается, то это не характерно для всей записи, где, наряду с этим, встречаются и такие места, которые соответствуют фонетическим законам киргизского языка. Например:

„Таңып салган бу бала
арканды үзүп алыптыр“;³
Или же: „Төштүк ерим өлүптүр“.⁴

Там даже встречается форма на -ып (-мын, -сын, -сыз и т. д.). Например:

„Бис йетим—йесир болуппуз, молдо“⁵
„йыланач йабыр болуппуз, молдо“.⁶

Форма -ып-ыр (как вариант формы -ыптыр) также относится к числу специфических особенностей киргизского языка.

Она не встречается в языках, смежных с киргизским. Здесь видим выпадение не конечного „р“, а начального „т“ аффикса -ту р (-дыр// -тыр), что наблюдается во всех трех лицах единственного и множественного числа всех форм (положительной, отрицательной и

¹ В. В. Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. V, СПб, 1885, стр. 7. (Транскрипция заменена. Б. О.)

² Там же, стр. 29.

³ Там же, стр. 573.

⁴ Там же, стр. 586.

⁵ Там же, стр. 585.

⁶ Там же, стр. 586.

вопросительной), но эта форма, как и форма на -ып (-мын, -сың, -сыз и т. д.), в большинстве случаев встречается в устной разговорной речи, а в письменном языке — реже.

Прошедшее время, образованное этим аффиксом, имеет весьма различные оттенки значения. По этому вопросу имеются высказывания отдельных тюркологов.

Проф. В. М. Насилов время, образованное аффиксами -ыптыр (уйг. -ип -ту (р), называет „прошедшим совершенным с наличным результатом“,¹ но не расширявает отдельные оттенки значения этой формы.

Проф. Н. Т. Сауранбаев пишет, что „это время выражает действие, происходившее и закончившееся в далеком прошлом, а в момент речи лишь вспоминающимся“.²

Проф. А. Н. Кононов называет эту форму „прошедшим субъективным временем“³ и указывает, что „значение прошедшего субъективного времени слагается из 4-х главных моментов: 1) момента следствия, 2) момента сомнения, 3) момента исторической передачи, 4) момента внезапного умозаключения“.⁴

И. А. Батманов, описывая разные функции деепричастной формы на -ып, останавливается также на формах, которые нами разобраны (кроме формы -ыпыр), и выделяет, в основном, две характерные стороны: во-первых, указывает, что она употребляется для выражения таких действий, которые являются неожиданными для самого говорящего и почерпнуты им путем умозаключений, а не путем личного наблюдения. Пример: „Бутума ок тийиптир — оказывается, мне в ногу попала пуля“. Во-вторых, отмечает, что образование на -ыптыр употребляется, когда говорящий является очевидцем, но сам факт для него был неожиданностью. Пример: Я знал, что моего товарища нет в городе, но увидел его на улице. Тогда я и говорю: „Жолдошум келип калыптыр — Оказывается, мой товарищ приехал“.⁵

В школьной грамматике киргизского языка время, выраженное аффиксами -ыптыр, -ып (-мын, -сың, -сыз и т. д.), называется одной из разновидностей прошедшего, т. е. недавнопрошедшего (берки өткөн чак) с оттенком неожиданности (берки капыскы чак),⁶ но такое определение, конечно, в полной мере не может отражать все оттенки этой формы. При этом, в схеме спряжения в школьном учебнике допущены неточности: вместо формы -ып (-мын, -сың, -сыз и т. д.) приведены некоторые моменты спряжения формы -ыпыр, хотя о форме -ыпыр авторы учебника совершенно не упоминают, и она в нём не разбирается.

Отмеченными признаками особенности употребления данной формы не ограничиваются.

Действительно, эта форма употребляется при выражении давнопрошедшего действия, как правильно отмечает проф. Н. Т. Сауран-

¹ В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка, стр. 35.

² Н. Т. Сауранбаев. Семантика и функции деепричастий в казахском языке, стр. 19.

³ А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка, стр. 176.

⁴ То же, стр. 177.

⁵ И. А. Батманов. Грамматика киргизского языка, вып. III, стр. 31.

⁶ К. Бакеев. Кыргыз тилинин грамматикасы, I белум. Фрунзе, '950, стр. 108—110.

баев; причем, сам говорящий в нем не участвовал, а о факте он узнал от других лиц позже.

Например: „Илгери биздин элдин Көк-Чунак деген айгыры карышкырдын көкжалын чайнаптыр—Давно когда-то жеребец нашего народа, называемый Көк-Чунак, загрыз сивогривого волка“.

„Чаар айгыр жолборс менен алышыптыр—Чубарый жеребец схватился с тигром“. „Күлүктүн чылбырын ким чечер экен—дептир—будто бы сказал, кто будет развязывать поводок скакуна“. (Сыдыкбеков Т. Өстөн боюнда).

Форма эта употребляется и при выражении факта, услышанного говорящим от других лиц, но относящегося не к далекому прошлому, а при упоминании о прошлом вообще.

Например: Уккан кабарга караганда, төбөсүнөн крест жаганда немецтер жем талашкан тооктой болуптур—Согласно услышанному известию, когда с неба сыпались (железные) кресты (как дождь), немцы были подобны курам, набросившимся на корм“. (Маликов К. Ленинград согуш күндөрүндө). При помощи этой формы выражаются также момент следствия, историческая передача, момент внезапного умозаключения: „Өз билгинче эки теше жерге сарай салдырыптыр—дейт—Говорят, (он по своей воле) построил сарай на две десятины земли (площади), так я слышал“. (Сыдыкбеков Т. Өстөн боюнда).

„Асанкул аттан жыгылыптыр—дейт—Говорят, Асанкул упал с лошади“. (Сыдыкбеков Т. Тарбия).

„Бизге сыйлык алып, Кыргызстандан өкүлдөр келе жатыптыр—Оказывается, взяв для нас подарки, едут представители из Киргизстана“. (Маликов К. Ленинград согуш күндөрүндө).

Форма эта, как видно из схемы спряжения, также употребляется в 1-м лице единственного и множественного числа, но, как в свое время указывал И. А. Батманов,—с оттенком неожиданности, показывая, что действие было неосознанным во время его совершения. Например: „Нукай! түндө өзүң менен сүйлөшүп, үйдө олтуруп мун—Нукай! Оказывается, во сне (я), разговаривая с тобой, сидела дома“. (С. Сасыкбаев. Нурлан).

„Болжоп жүрүп отурдук эле, дивизиянын штабынан чыгыппыз—Мы шли (все время) и (оказалось) вышли (к) штабу дивизии“. „Биздин кетерибиз жакындаганына байланыштуу болуп калганынанбы, келгендер ар түрдүү белектер ала хелишиптир—Оттого ли, что наш отъезд приблизился, пришедшие, оказывается, захватили (с собой) разные подарки“. (К. Маликов. Ленинград согуш күндөрүндө).

В киргизском языке формы -ыптыр, -ыпыр, -ып (-мын и др.) употребляются параллельно, и в оттенках их значений нет никаких различий.

В говоре западных районов Фрунзенской области, в отличие от литературного языка, вместо ожидаемого силер барыптырсыңар, барыпсыңар, барыпырсыңар, во втором лице единственного числа говорят силер барыптырсыңдар, барыпсыңдар, барыпырсыңдар, т. е. во всех случаях сохраняется начальный согласный аффикса множественного числа (л→д), как в казахском языке, но личное местоимение 2-го лица множественного числа выступает в виде силер.

IV. ПРОШЕДШЕЕ ДЛИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ, ОБРАЗУЮЩЕЕСЯ ПРИ ПОМОЩИ АФФИКСА -Ч У

При изучении грамматического строя языка необходимо обратить особое внимание на специфические особенности, отличающие его от других родственных языков.

К числу таких специфических особенностей киргизского языка относится показатель прошедшего длительного времени -чу. Этот аффикс занимает особое место среди других показателей прошедшего времени, но эта форма до сего времени еще не получила в тюркологической литературе должного освещения, кроме работы Батманова И. А.¹

Несмотря на то, что она часто встречается в письменном и в разговорном киргизском языке, в школьной грамматике эта форма не нашла никакого освещения.

Специфический оттенок формы на -чу заключается в том, что она выражает длительность, обычность действия.

В ряде других тюркских языков прошедшее длительное время выражается другими аффиксами, например, сочетанием основного глагола на -мок, -мак с вспомогательным глаголом эди, как в узбекском, уйгурском и др.² Таким образом, категория длительности в этих языках передается не сочетанием одного какого-нибудь аффикса с основным глаголом, а чаще всего описательно, т. е. в сочетании с вспомогательным глаголом, тогда как в киргизском языке длительность выражается и описательно и при помощи сочетания основного глагола с аффиксом -чу.

СХЕМА СПРЯЖЕНИЯ ФОРМЫ на -чу (-чү):

Жаз—пиши.

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ФОРМА

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. мен жазчумун	я писал (всегда),
2-ое л. сен жазчусун	ты писал (всегда),
сиз жазчусуз	Вы писали (всегда),
3-ье л. ал жазчу	он писал (всегда).

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. биз жаз+чу+буз	мы писали (всегда),
2-ое л. силер жаз+чу+сунар	вы писали (всегда),
сиздер жаз+чу+суз+дар	Вы писали (всегда),
3-ье л. алар жаз+ыш+чу, жаз+чу	они писали (всегда).

¹ См. И. А. Батманов. Грамматика киргизского языка, вып. III, стр. 50, где он называет эту форму „многократной“, тогда как категория многократности в киргизском языке, как и в татарском и башкирском языках, имеет особую форму на -гыла; например: ургула,—колотн (несколько раз), сайгыла—коли (несколько раз), каккыла—стучи (несколько раз) и т. д.

² А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка, стр. 184 (у него эта форма называется „прошедшим длительным“). В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка, стр. 110 (эта форма также называется „прошедшим длительным“).

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ФОРМА

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. мен жаз+ба+чу+
мун
2-ое л. сен жаз+ба+чу+
сун
сиз жаз+ба+чу+суз
3-ье л. ал жаз+ба+чу

я не писал (вообще, всегда),
ты не писал (вообще, всегда),
Вы не писали (вообще, всегда),
он не писал (вообще, всегда).

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. биз жаз+ба+чу+
буз
2-ое л. силер жаз+ба+чу+
сунар
сиздер жаз+ба+
чу+суз+дар
3-ье л. алар жаз+ыш+па+
чу, жаз+ба+чу :

Мы не писали (вообще, всегда),
вы не писали (вообще, всегда),
Вы не писали (вообще, всегда),
они не писали (вообще, всегда).

ВОПРОСИТЕЛЬНАЯ ФОРМА

(положительная и отрицательная)

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. мен жаз+чу+
мун+бу?
жаз+ба+чу+
мун+бу?
2-ое л. сен жаз+чу+
сун+бу?
жаз+ба+чу+
сун+бу?
сиз жаз+чу+
суз+бу?
жаз+ба+чу+
суз+бу?
3-ье л. ал жаз+чу+бу?
жаз+ба+чу+бу?

писал ли (всегда) я?
не писал ли (всегда) я?
писал ли (всегда) ты?
не писал ли (всегда) ты?
писали ли (всегда) Вы?
не писали ли (всегда) Вы?
писал ли (всегда) он?
не писал ли (всегда) он?

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. биз жаз+чу+буз+
бу?
жаз+ба+чу+буз+
бу?
2-ое л. силер жаз+чу+
сунар+бы?
жаз+ба+чу+су-
нар+бы?
сиздер жаз+чу+
суз+дар+бы?
жаз+ба+чу+суз+
дар+бы?

писали ли (всегда) мы?
не писали ли (всегда) мы?
писали ли (всегда) вы?
не писали ли (всегда) вы?
писали ли (всегда) Вы?
не писали ли (всегда) Вы?

Э-ье л. а л а р ж а з + ы ш +
ч у + б у ?
ж а з + ы ш + п а + ч у +
б у ?

или ж а з + б а + ш + ч у + б у ?
ж а з + ч у + б у ?
ж а з + б а + ч у + б у ?

п и с а л и л и (в с е г д а) о н и ?

н е п и с а л и л и (в с е г д а) о н и ?

По своему фонетическому составу аффикс -чу со своим вариантом -чү лишь случайно совпадает с двумя вариантами агентивного словообразовательного аффикса -чы, который по закону гармонии гласных переходит [в -чи], -чу, -чү (малчы—животновод, элчи—посол, койчу—пастух, өтүкчү—сапожник и др.).

Словообразовательный аффикс -чы в указанной функции наличен во многих тюркских языках в форме -шы (казахск.), -чи (узбекск., уйгурск.), -сы (башкирск.) и др.

Этот аффикс встречается также и в монгольском языке в форме -ч, где, например, „знахарь“ называется „домч“.¹ В том же значении „знахарь“ в киргизском языке употребляется парное слово эмчи—домчу. В алтайском же языке слово эм означает „лекарство“, а в киргизском языке эмчи в самостоятельном употреблении также означает „лекарь“ или „знахарь“.² Таких примеров из монгольского словаря можно привести очень много: адуу—лошадь, табун лошадей; адуучу—пастух лошадей, табуңчик и др.³

Агентивный словообразовательный аффикс -чы сочетается непосредственно с основой, если она именная. С глагольными же основами он сочетается через посредство аффикса имени действия -уу (-үү, -оо, -өө). Примеры: койчу—пастух, темирчи—кузнец, жазуучу—писатель и т. д.

Аффикс длительного времени -чу по фонетическому составу иногда совпадает с частицей -чы, выражающей вопрос, побуждение, сожаление и т. д. (элчи?!—народ?!, берчи!—дай-ка!, окусамчы!—ах, если бы я прочёл!).⁴

Перейдем теперь к рассмотрению аффикса прошедшего времени -чу.

Смешивать этот аффикс, как уже видно из вышеизложенного, со словообразующим аффиксом -чы нельзя, потому что он не имеет негубных вариантов, как отмечает И. А. Батманов,⁵ т.е. наличен только в форме -чу, -чү.

В начале этого раздела мы отметили, что специальной работы, посвященной этому аффиксу, нет; следовательно, привести какие-нибудь суждения об его этимологии, семантике и функции мы не можем, кроме краткого высказывания о нем И. А. Батманова, где автор в целях установления этимологии этой формы предполагает, что она „восходит, очевидно, к сочетанию агентивной формы на -чы с (карлукским) отглагольным именем на -гу. Современная форма на -чу прошла в своем развитии следующие стадии, попав, вероятно, в качестве заимствования в киргизский язык: -гучу → учу → чу. Предпоследний вариант -учу сохраняется еще у отдельных пред-

¹ А. Р. Ринчинэ. Краткий монгольско-русский словарь. Москва, 1947, стр. 71.

² К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь, стр. 226.

³ А. Р. Ринчинэ. Краткий монгольско-русский словарь, стр. 13–21.

⁴ К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь, стр. 139.

⁵ И. А. Батманов. Грамматика киргизского языка, вын. III, стр. 50.

ставителей различных сев. диалектов, и еще несколько лет тому назад форма эта графически выражалась в виде -у ч у (ж а з у ч у и т. п.)¹

Если мы скажем, что длительное время только в киргизском языке выражается образованием на -ч у, то это будет не совсем правильно, ибо, как показывают факты некоторых тюркских языков, эта форма при сочетании с вспомогательным глаголом в отдельных случаях выражает длительность. Так, в казахском языке, как отмечает С. Кенесбаев, „посредством сочетания отглагольного имени на учы (учі) с глаголом „е“: мен коручі едім, сен келучі едің и т. д... выражается действие в конкретном прошлом, а не прошлом вообще“.²

Такое употребление образования на -ч у с вспомогательным глаголом „е“ характерно и для киргизского языка, о чем будет сказано в конце этого раздела.

Несмотря на то, что по природе аффиксы -ч ы (агентивный) и -ч у (времени) являются совершенно самостоятельными показателями различных грамматических категорий, тюркологи находят известную смысловую связь между этими показателями. И. А. Батманов отмечает, что „указанное образование, представляя из себя окостеневший дериват отглагольного имени, взятого в служебном значении, после ряда изменений со смысловой стороны, выступает сейчас в киргизском языке уже на правах чистой глагольной формы и сочетается с аффиксами спряжения полного типа“.³

Разница между этими (агентивным и временным) образованиями с формальной стороны состоит в том, что образование на -ч у (временное) не имеет негубных вариантов. Таким образом, когда эта форма сочетается с именем действия, наличие конечного „у“ в аффиксе -ч у не есть следствие прогрессивной ассимиляции, ибо и при сочетании с предшествующим негубным гласным в аффиксе неизменно сохраняется губной „у, ү“: а л ч у—брал (постоянно и обычно), к а л ч у—оставался, а т ч у—стреливал и т. д.

Переход аффикса -ч у в -ч ү зависит от наличия переднего гласного в основе глагола; например: б е р ч ү—давал, к е л ч ү—приходил, и ч ч ү—выпивал, т е п ч ү—толкал ногой, ү й ч ү—складывал в кучу, ө т ч ү—проходил и т. д.

В агентивном же аффиксе на -ч ы гласный переходит в и, у, ү (ж ы л к ы ч ы—табунщик, к и р е ч и —возчик, к о й ч ү —пастух, ө т ү к ч ү—сапожник). При сочетании с именами действия, под влиянием губного -у у, -ү ү, -о о, -ө ө, аффикс -ч ы тоже превращается в -ч у, -ч ү: ж а з у у ч у—писатель, с а т у у ч у—продавец и т. п.

Для выражения же длительного прошедшего времени с оттенком обычности употреблялись три параллельных образования на -у у ч у, -у ч у и -ч у. Поэтому и до настоящего времени в устной речи и письменном языке встречаются различные варианты, т. е. употребляют по-разному—одни -у у ч у, другие -у ч у, третьи -ч у. Например: „Ж у с у п к ү н ч ө н ш а ш к е б о л г о н г о ч е й и н о р д у н а н т у р у у ч у э м е с—Джусуп обычно не вставал с постели до полудня“. (Т. Абдымомунов. Жүкөш).

¹ И. А. Батманов. Грамматика киргизского языка, вып. III, стр. 10.

² С. Кенесбаев. Казак тілі (учебник казахского языка в русской средней школе). Алма-Ата, 1939, стр. 62. Об этом см. еще С. Кенесбаев, С. Жиенбаев. Казак тілі. грамматикасы. I бөлүм, фонетика мен морфология. Алма-Ата, 1948, стр. 131.

³ И. А. Батманов. Грамматика киргизского языка, вып. III, стр. 50.

„Мурун капчыгайдаң ат араң өтчү—Раньше через ущелье лошадь еле проходила“ („Кыргыз тилинин грамматикасы“. Синтаксис, 1948 г.). Здесь аффикс -чу сочетается с глагольной основой непосредственно.

„Бурулчанын колу орокто болсо да, көзү Айшада болучу—Хотя рука Бурулчи была у серпа, но глаза были на Айше“ (т. е. смотрели на Айшу). (К. Баялинов. Бакыт).

Именной и глагольный характер таких образований, как жазуучу, окуучу и т. д. (писатель или пишущий, ученик или учащийся), объясняется не тем, что в них встречается аффикс -чу, на первый взгляд восходящий к именному аффиксу -чы. В действительности же теперь -чы и -чу суть совершенно самостоятельные и независимые друг от друга показатели различных грамматических категорий.

Как видно из примеров, аффикс времени может сочетаться и непосредственно с глагольной основой. Подтверждением этого может служить и то, что в киргизском языке встречаются такие случаи, когда для выражения прошедшего времени употребляются и сочетания -уучу, и сочетания -учу или только -чу. Например: „үстүнө чымын консо дирилдеген азоолорду үйрөтүүчү—(Он) обучал необъезженных (лошадей), которые дрожали, даже когда на них садилась муха“ (Т. Сыдыкбеков. Тарбия). „Айланасы мал баспаган, адам жашап турбагандай ар дайым боппоз туручу—Он казался очень пустынным, будто вокруг не ходит скот, не обитает человек“. (Сыдыкбеков Т. Абысындар). „Түнкүсүн ал оюктан араң бүлбүлдөгөн жарык шооласы көрүнүчү—Ночью из той дыры виднелся еле мерцающий свет“. (То же). „Жалгыз гана төбөсүндө сороюп көрүнгөн жалгыз морунан эртели—кеч түтүн булачу—Только лишь из торчащей трубы утром и вечером кверху тянулся дым“. (То же). „Биздин кыздардан да далай кыйындар чыкчу—И из наших девушек тоже выходили замечательные“ (То же). „Базарга да өзү барбай, көбүнчө абышкасын жиберичү—И на базар не хаживала сама, в большинстве случаев посылала своего старика“. (То же).

Переходим к изложению некоторых особенностей, встречающихся в спряжении формы на -чу, и к рассмотрению её синтаксических функций. Аффикс -чу, как видно из приведенной в начале раздела схемы спряжения, сочетается с полным типом личных окончаний, имеет положительную, отрицательную и вопросительную формы. Кроме того, аффикс -чу в одинаковой мере может сочетаться со всеми глагольными основами, а также со всеми именами действия, образованными от тех же глагольных основ, например: алчу || алуучу; келчү || келүүчү || келичү; барчу || баруучу || барычу и т. д.

Если эти образования в контексте выступают в роли сказуемого, то в значении этих фонетических вариантов разницы нет. Встречающееся же в таких образованиях сочетание -учу является следствием выпадения или опущения одного -у из состава аффикса имени действия -уу. Например: „Келгендерден Орозбак Борбуктун өзү менен да, анын байбичеси Суран менен да тентуш адам болучу—Из пришедших Орозбак был ровесником и самого Борбука, и его жены Суран“. (Т. Сыдыкбе-

ков. Пайдага чечилген чатак). Эта форма встречается в литературе очень часто, особенно когда аффикс -чу сочетается с глаголом „бол—быть“. В этом случае глагол бол выражает не длительность, а употребляется для того, чтобы придать больше категоричности и достоверности. Выпадение одного „у“ из состава аффикса имени действия характерно и для других глагольных основ.

Например: „Айланасы мал баспаган, адам жашап турбагандай ар дайып боппоз туручу—Казался очень пустынным, будто вокруг не ходит скот, не обитает человек“. (Т. Сыдыкбеков. Абысындар).

В литературе очень часто встречаются и такие случаи, когда в нарушение закона сингармонизма основа глагола сочетается, вместо ожидаемого аффикса имени действия -уу, с аффиксом -ы (-и). Например: „Зымырап азыркыдай машина өтмөк тургай, таш кычыраткан араба жолунун угу жатычу—(Здесь) не только не мчалась, как теперь, машина, а лежал только дорожный след скрипящей по камням телеги“. (Т. Сыдыкбеков. Биздин замандын кишилери).

„Боз тондун жакасын алтындай сөзү менен берметтеген сиздей кары сүйлөсө, өз тамырынан сызылып чыккан биздей уулдары эмес, Ала-Тоонун карт мөңгүсүн эритичү—Когда говорит такой (почётный) старик, как Вы, который своими золотыми словами украшает, как жемчугом, борта нагольного полушубка (тулупа), то (ваши слова) расплавят не только подобных нам (твоих) сыновей, просочившихся из (ваших) собственных жил, но и престарелые ледники Ала-Тоо. (То же). „Береги чоң таштан аша коюп, ак көбүк черткен шар Мамбет бала кезекте эле ошентип ташкындап агычу— Эта быстрая струя так же бурлила, пенясь и переваливаясь через вон тот большой камень, как и в детстве Мамбета“. (Т. Сыдыкбеков. Күтүү).

Несколько примеров на непосредственное сочетание аффикса длительности -чу с чистой глагольной формой:

„Атаңдын кедейлигин билбей, „сары май жеймин“—деп кыйначусуң— Не считаюсь с бедностью отца, ты мучил (его), говоря „хочу кушать топленое масло“. (Т. Сыдыкбеков. Тарбия).

„Эсекем жашырак кезинде колго тийбеген азоого кошчалма уруп кармачу— Эсеке в молодости ловил необъезженного (коня), накинув двойной аркан“ (То же).

„Азоо дегенди ушинтип кармачубуз— Вот так ловили необъезженного (коня мы)“. (То же).

Следует отметить диалектную разновидность (и то не повсеместную, а частичную) в употреблении параллельно с формой -чубуз (для 1 лица множественного числа) формы -чук, которая не характерна для литературного языка.

Она употребляется в Иссык-Кульской области (в восточной части) очень редко в устной речи. Например: „Мен кичине кезде абамдар болуп жылыга жайлоого чыкчук. Көп балдар болуп чогулуп барып, карагайдан сагыз алчук— Когда я был ещё мальчиком, мы с дядей каждый год поднимались (т. е. кочевали) на джайлоо. Много детей, собравшись, идя, извлекали (брали) из елей смолу“. (Из разговорной речи).

Во всех случаях этот аффикс времени с формантом 1 л. мн. ч. -к сочетается только с чистой глагольной формой: „Биз жайлоого чыгып жүргөндө абам экөөбүз Каркыранын жарманкесине барчук — Мы с дядей, когда кочевали на джайлоо, ездили на Каркаринскую ярмарку“. (Из разговорной речи).

Эта форма по личному окончанию совпадает с образованием на -ды прошедшего определённого (конкретного) времени 1-го лица множественного числа, которое также даёт не -дыбыз или дымыз, а -дык (также и в ряде других тюркских языков). Этот очень редкий аффикс -чук употреблялся для выражения 1-го лица множественного числа параллельно с формой -чубуз.

Такое параллельное выражение двумя показателями одного и того же понятия встречается и в ряде других языков, как, например, в горно-алтайском, уйгурском, в ташкентском говоре узбекского языка. Это явление вполне закономерно, но одна из параллельных форм должна быть более древней, чем другая.

В горно-алтайском языке такое параллельное употребление допускается для формы прошедшего времени на -ды, например: ойно-ды-быс или ойно-ды-к. В уйгурском языке в 1-м лице множественного числа употребляются оба личных окончания при форме -ыптыр: биз килипту (р) миз и килипту к.

Поскольку в отдельных говорах Иссык-Куля встречается форма на -чук, это дает основание пересмотреть вопрос о происхождении формы на -чу от -гучу: происхождение формы на -чу нельзя связывать с формой -гучу, так как это не объясняет наличия-конечного -к после аффикса -чу (т.е. -чук), ибо в составе -гучу этот конечный -к отсутствует. Кроме того, этот конечный -к, наличный в составе аффикса -чу, нельзя считать позднейшим явлением на основе той редкой формы на -чук, о которой говорилось выше. Поэтому происхождение формы на -чу надо рассматривать в тесной связи с этим её элементом (т. е. -к), а не в связи с карлукским -гучу, тем более, что форма на -чук является показателем прошедшего времени в сагайском диалекте хакасского языка, в котором она сочетается с формой множественности -быз (-чукпыз).

Исследователь хакасского языка А. Инкижекова указывает, что форма на -чук (сагайский диалект), „-чык“ и „-чик“ (качинский диалект и литературный язык) выражает: 1) действие, совершившееся только что и результат которого ощущается в настоящем; 2) внезапность, однократность действия. Например: парчукпын (я ушёл), парчуксын (ты ушёл), парчук (он ушёл), парчукпыс (мы ушли), парчуксар (вы ушли), парчук (тар) (они ушли).

Здесь -к является не показателем 1-го лица множественного числа, а неразрывной составной частью показателя прошедшего времени -чу в форме -чук.

В подтверждение сказанного можно привести аналогичные факты и из монгольского языка, где, наряду с другими показателями прошедшего времени, имеется и форма -чुकуй, при помощи которой образуется законченное прошедшее время с оттенком неожиданности. Например: огчукуй — дал. Указанные факты дают основание предполагать, что показатель прошедшего длительного времени -чу, характерный из всех среднеазиатских тюркских языков

только для киргизского, происходит из полной формы -ч у к, по схеме -ч у к → ч у (к) -ч у.

Отрицательная форма от образования на -ч у в устной речи и в литературе выражается описательно, т.е. путём сочетания основного глагола на -ч у со служебным словом эмес. Например, вместо „мен барбачумун— Я не хаживал“ употребляется „мен барчу эмесмин— Я не хаживал“. (Здесь—резкий оттенок категоричности. Личные окончания принимает служебное слово). Например: „Лагерде дем алган балдардын бирде бирөө Дыйкан карыяны да, анын кара эшегин да билбей кетчү эмес— Ни один из ребят, отдохнувших в лагере, не уезжал, не узнав старика Дыйкана и его чёрного осла“ (Т. Сыдыкбеков, Достук). „Ат бир баспаймын деген жерин үч басат деп карыялар айтса ишенчү эмесмин— Если старики говорили, что лошадь трижды ступает на то место, на которое не хотела ступить, я не верил“. (К. Маликов. Жайылманын талаасында).

Форма на -ч у при самостоятельном употреблении выражает действие или состояние предмета, присущее ему в прошлом длительное время и с оттенком обычности или постоянства: Например: „Ал партизан болучу— Он был партизаном“.

„Анда биздикилер бир жакын эже биздикини маанектеп Кара-Дөбөдө турушчу— Тогда наши стояли (т.е. жили) около одной нашей близкой сестры в Кара-Тюбе“. (С. Сасыкбаев, Нурлан).

Форма на -ч у, когда она сочетается с последним глаголом составного сказуемого, первый из которых стоит в деепричастной форме на -ып, также выражает действие или состояние предмета, присущее ему в прошлом и в котором он оставался долго. Например: „Кыргыз ССРнин Жогорку Советинин депутаты Нурлан Бозоев командирдин саясы жактан орун басары болуп иштөөчү— Депутат Верховного Совета Киргизской ССР Нурлан Бозоев работал заместителем командира по политической части“. (С. Сасыкбаев, Нурлан). „Жапар партиянын райкомунун инструктору болуп иштөөчү— Жапар работал инструктором райкома партии“. (К. Баялинов, Бакыт).

Но форма на -ч у не всегда выражает только длительное, постоянное в прошлом действие или состояние предмета. Она может выражать и такое действие или состояние, которое в прошлом совершилось однократно, и говорящий хочет подчеркнуть его достоверность или конкретизирует его. Это выражается обычно глаголом „бол—быть“ в сочетании с аффиксом -ч у. Например: „Ал көлдүн бети тыптынч турган кезинде жүрүп бара жаткан паракходдун зор кернейинен чыккан түтүн болучу— Это был дым, выходящий из огромной трубы парохода, который шел, когда поверхность озера находилась в спокойном состоянии (т.е. в полном штиле)“. (Т. Сыдыкбеков, Биздин замандын кишилери). „Ал дынан чоң жолукса, тамаша айтып, бала жолукса, эркелетип, кубанычы койнуна батпай жүргөн кезеги.— Это было время, когда он неслышанно радовался всему. Если попадался ему навстречу взрослый, то он с ним шутил, если попадался ребенок, он его ласкал“, (Т. Сыдыкбеков, Пайдага чечилген чатак). „Чүй районундагы № 1 Көгети совхозунда өткөн жылы башталгыч гана мектеп бар болучу— В прошлом году

в Кегетинском совхозе № 1 была только начальная школа." (Из газеты „Кызыл Кыргызстан“). Здесь достоверность события конкретизируется еще и словом „өткөн жылы—в прошлом году“.

Если же аффикс -чу сочетается с основным глаголом, а вспомогательный глагол „бол“ сочетается с аффиксом отрицания -ба, то в таких случаях эта форма выражает не прошедшее, а будущее время с оттенком приказа. Например: „Кулундарың асы болуп толгондо арабага ат аячу болбо—Когда твои ребята станут пятилетними, то не отказывайся дать лошадь для телеги“: (Т. Сыдыкбеков, Пайдага чечилген чатак). Но в данном случае идея будущего времени заложена в слове „болбо“.

Одна из специфических сторон аффикса длительности состоит именно в том, что образование на -чу (кроме „болучу“), выступая в качестве сказуемого главного предложения, вне сочетания с каким-нибудь вспомогательным или функционально-вспомогательным глаголом, который и принимает личные окончания, указывает на действия или состояния длительного и многократного характера, относящиеся не к конкретному отрезку времени, а к прошлому вообще. В таких случаях уточняющие наречия с оттенком конкретности типа: „былтыр—в прошлом году“, „кече—вчера“, „эртең менен—утром“, „мурдагы күнү—позавчера“ и т. д. не употребляются. Можно сказать: „Жайлоочулар Суусамырда жайлачу—животноводы проводили лето (обычно, вообще) на Сусамыре“. Если же нужно говорить именно о прошлом годе, то глагол-сказуемое следует поставить в форме на -ган или -ды, т. е. „Былтыр жайлоочулар Суусамырда жайлаган или жайлады—В прошлом году животноводы провели лето на Сусамыре“ (точно, конкретно и недавно). Если же скажем: „Мурун жайлоочулар Суусамырда жайлачу—Раньше животноводы проводили лето на Сусамыре“, то такая форма будет выражать действие, относящееся к прошлому вообще. Некоторые наречия, выражающие обстоятельство времени, при сочетании с формой на -чу употребляются для выражения прошедшего предварительного времени. Например: „Мына ошондо атам мага автоматты кандайча атууну үйрөткөн болучу—Тогда отец меня учил стрелять из автомата“. (С. Сасыкбаев. Нурлан). Семантическая функция формы на -чу этим не исчерпывается. Сочетаясь с различными формами глагола прошедшего времени (-ды, -ган), со служебными словами эле, экен, эмес, образованиями на -ар, со словами эмиш (имиш), бар и жок, с отрицательной частицей элек и др., она выражает различные оттенки действия или состояния предмета в прошлом.

Сочетание аффикса -чу с аффиксом -ды в составном сказуемом встречается в таком случае, когда аффикс -ды соединяется с функционально-вспомогательным глаголом бол и выражает постоянно длительное действие в прошлом. Например: „Күнүгө бир келип, Лизаны карап, дары-дармегин бекер берүүчү болду—Приходя раз в день, осмотрев Лизу, давал (свои) лекарства даром“. (К. Жантошев. Каныбек). „Балдар көчөгө чыгып ойночу болду—Дети стали играть, выходя на улицу“. (К. Маликов. Ленинград согуш күндөрүндө). „Элкийин бомбаны тоотпой коючу болду—Народ позднее не стал в счет принимать бомбы (т. е. не стал бояться)“ (То же). Во всех этих случаях говорится о длительных, но закончившихся действиях.

При сочетании формы -чу с образованием на -ган опять-таки

в составном сказуемом с функционально-вспомогательным глаголом бол, где, в отличие от предыдущего случая, аффикс -чу сочетается с этим глаголом, она выражает намерение говорящего подтвердить достоверность того события, о котором он повествует и которое происходило не длительно и постоянно, а один раз.

Например: „Жакында гана болуп өткөн аба согушунда ал немецтин үч истребителине кездешип, анын экөөнү талкалап, бирөө качып кутулуп кеткендигине өтө өкүнүчтүү болуп калган болучу—Только в недавно прошедшем законченном воздушном бою он, встретившись с тремя немецкими истребителями, два из них разрушив (сбив), остался недоволен тем, что один, сбежав, спасся“. (Н. Байтемиров, Азамат). „Райондон аны „Кенеш“ атындагы колхозго барасын дегенде сураштырып, председатели Жапардын атасы экиндин Айша билген болучу—Когда ей сказали, что она пойдет в колхоз „Кенеш“, то, расспросив, Айша узнала, что отец Джапара—его председатель“. (К. Баялинов, Бакыт).

„Күн өрттөй кызарып чыккан болучу—Солнце взошло красное, как пожар“ (Т. Сыдыкбеков, Муздакта).

Когда же в составном сказуемом аффикс -чу сочетается с основным глаголом, а -ган сочетается с вспомогательным и, следовательно, стоит после формы на -ч у, то в таких случаях они выражают длительное прошедшее время оттенком категоричности.

Например: „Биздин шаарда театр күндүз иштөөчү болгон—дейт—Говорит, что в нашем городе театр стал работать днем“. (К. Маликов, Ленинград согуш күндөрүндө).

„Аркүнү үйдүн төбөсүнө чыгып, күйдүрүүчү бомбаларды өчүрүп таң атканча чатырынын алдында кароолдо турчу болгон—Залезая каждый день на крышу, туша зажигательные бомбы, он стал стоять на карауле до утра под своим чердаком,“ (То же).

Аффикс -чу, сочетаясь с вспомогательным глаголом бол, когда одним из элементов составного сказуемого выступают слова: „бар—есть“, „жок—нет“ или глагольное отрицание элек, выражает длительное, неопределенное прошедшее время с оттенком обычности и постоянства. В составе предложений, где сказуемым выступают эти сочетания, могут быть еще обстоятельственные слова, указывающие на прошедшее время. При этом, если форма на -чу употребляется со словом бар, то наличие какого-то действия подтверждается; если же она употребляется со словом жок или элек, то наличие действия отрицается. Например: „Совет өкмөтүнө чейин бизде өз тилибизде басма китептер жок болучу—До советской власти у нас не было печатных книг на родном языке“. (К. Баялинов, Г-ин Пойинтонго менин сунушум).

При сочетании формы на -чу с вспомогательным глаголом э (в форме эле) выражается давнопрошедшее длительное время, свидетелем которого является говорящий. Например: „Сөз сурамак ызаат, ат сурамак сүннөт“—деп, илгеркилер айтуучу эле—Спросить слово—уважение, спросить имя—обязанность,—так говаривали прежде (люди)“. (Поговорка из произведения К. Жантошева Эки жаш). „Качан болсо да тилмиден табуучу элем—Всегда мне попадало за язык (т. е. страдал за свои слова)“. (Т. Сыдыкбеков, Абысындар). „Күркөдөн күркөдө жүр-

гөн кезинде үксөйүп жаман көрүнчү эле—Когда (она) ходила от курятника к курятнику, казалась косматой“. (То же).

„Тынчылык кезинде бул заводдо кырк беш миң адам иштечү эле—В мирные времена на этом заводе работало сорок пять тысяч человек“. (К Маликов. Ленинград согуш күндөрүндө).

Когда со служебным словом эле сочетается вопросительная частица -бы, то под влиянием начального гласного „э“ вспомогательного глагола конечный „ы“ аффикса вопроса выпадает и выступает в форме беле (выражается риторический вопрос). Например: „Аскер жүргөн жерлерде да оору болучу беле?!—Разве бывает болезнь, где находятся войска?!“. (Т. Сыдыкбеков, Тарбия). „Эл четинде жоо турса, жигит үйдө жатчу беле?!—Если на границе народа стоят враги, то разве должен жигит лежать дома?! (К. Маликов. Жайылманын талаасында).

Образование на -чу, сочетаясь со словом эмес, передает оттенок постоянного свойства предмета. Например: „Ал өмүрүндө калп айтуучу эмес—Он в жизни никогда не врал“. „Балдар анын айтканын эки кылуучу эмес—Дети никогда не заставляли говорить дважды (т. е. не доводили до повторного приказа)“. (Т. Абдумомунов, Жүкөш).

Такое же сочетание говорящий может употребить и в отношении себя, когда какое-то обстоятельство тоже отрицается: „Күнс айын короо шыпырып, отун жарып, самооркайнатып, суу ташып, жаным тынчу эмес—Каждый день, подметая двор, рубя дрова, ставя самовар, таская воду, душа моя не отдыхала (т. е. я не знал отдыха)“. (С. Сасыкбаев, Нурлан).

Основной глагол в форме на -чу со служебным словом экен выражает давнопрошедшее длительное, неопределенное время. При этом, говорящий сообщает о событии или действии со слов другого и с сомнением в достоверности излагаемого. Например: „Чаар айгыр өзүн өзү тозуп, карышкыр келсе, чапчып таштап, ууру келсе, атынан тиштеп ыргытып жеберип жүрө берчү экен—Чубарый жеребеч ограждал сам себя (свой косяк); если приходил волк, то его бил передней ногой, если приходил вор, то, кусая зубами, сбрасывал его с лошади, так хаживал, оказывается, он“. (Т. Сыдыкбеков, Муздакта).

Имеются случаи даже сочетания образования на -чу со словами эмес и экен, когда говорящим отрицается какое-нибудь прошлое действие или состояние, известное ему со слов других лиц. Например: „Жолборс-Чаардын үйүрүн жылкычы кайтаруучу эмес экен—Косяка Жолборс-Чаара табунщик, оказывается, не охранял (или: говорят, не охранял)“. (Т. Сыдыкбеков, Муздакта).

Основной глагол на -чу со словами окшойт, өңдөнөт выражает длительное, неопределенное, давнопрошедшее предположительное время с оттенком сомнения в достоверности действия, например: „Ал мал кайтарчу окшойт—Он, кажется, (тогда) пас скот“. „Акматаңчылыкка чыкчу өңдөнөт—Акмат, кажется, хаживал на охоту“. Второе предположение может быть понято как намерение действующего лица осуществить действие в будущем, но во всех этих случаях такое предположение со стороны действующего лица не подтверждается, а только является догадкой говорящего.

Из всего изложенного явствует, что форма на -чу является одной из специфических форм киргизского языка.

Так же, как и другие показатели прошедшего времени (т. е. -ды, -ган, -ыптыр), аффикс -чу имеет свое значение, выражая, в основном, длительное постоянное действие или состояние предмета с оттенком обычности, но относящееся вообще к прошлому и законченное к моменту речи, а не продолжающееся в данный момент. Сочетание же аффикса -чу с глаголом „бол—быть“ выражает однократное действие с оттенком идеи категоричности, но этот момент не главный или решающий оттенок в значении этой формы, а только частный случай, ибо все прочие сочетания этой формы с другими формантами (т. е. -чу эмес, -чу экен, -чу эле, -чу -ган, -чу -ды) выражают обычность или длительность действия или состояния.

Эта форма должна быть включена в школьную грамматику как один из показателей прошедшего времени, и нужно обратить внимание на все её разновидности (т. е. -уучу, -учу, -чу, -ычу, -ачу и т. д.)

V. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ГЛАГОЛ „Э“ И ЕГО РОЛЬ В ОБРАЗОВАНИИ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Этот глагол играет важную роль в образовании прошедшего времени и встречается во многих тюркских языках в различных формах. Например: в киргизском языке эле // эде // еди, экен, эмес, эмен (для 1-го лица единственного числа); в казахском—эди, екен, емес; в узбекском—эди, экэн, эмэс; в уйгурском—эди, эмэс, икэн; в алтайском—эди, эде; в башкирском языке—ине, икэн и т. д.; в некоторых других языках—иди, иде. Этому вспомогательному глаголу уделено большое внимание в трудах ряда крупных тюркологов, и о нем имеются различные суждения, наиболее характерные из которых мы приводим ниже.

В „Опыте словаря тюркских наречий“ В. В. Радлова отмечается, что этот недостаточный глагол употребляется во многих тюркских языках в различных формах, т. е. в одних—в форме эде, в других—в форме эди.¹ О происхождении этой формы Н. К. Дмитриев пишет, что глагол „быть“ в арханчных тюркских языках звучал: эр-, где э-, очевидно, произносилось, как русское э в слове „этот“. С течением времени корень эр- и его параллельный ир- во многих языках, в силу определенного фонетического закона (редукция и выпадение р в закрытом слоге), приняли вид э- или и-. Для башкирского языка характерно произношение и-. При всем этом глагол утратил многие из нормальных форм спряжения и превратился, таким образом, в недостаточный глагол.²

Как указывает А. Н. Кононов, в узбекском языке глагол э- восходит к эр-. От него образованы эмас и экан. Наконец, по словам автора, в узбекском языке могут образовываться также формы: экан, эрур, эмиш, из которых первая и последняя встречаются и в киргизском языке в форме экен, эмиш или имиш.

О форме экан А. Н. Кононов пишет, что она употребляется в сочетании с именем в значении составного именного сказуемого „мен касал эканман—я, оказывается, заболел (болен)“³ и

¹ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Том I, стр. 653—657

² Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 194.

³ А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка, стр. 158, 159, 200.

в именных предложениях заменяет аффикс сказуемости -ди р и форму эди.¹ Далее, об образовании эмиш автор пишет, что эта форма „образуется от имен (в именных предложениях) и форм изъявительного наклонения, осложняя значение последних оттенками сомнения, внезапного умозаключения, недостоверности (субъективно усматриваемой), исторической передачи и пр.: „келган эмиш—он якобы приехал“² и т. д.

Как отмечает В. М. Насилов, в уйгурском языке одновременно с формой эмэк „старинная форма этого глагола сохранилась в Синьцзяне и поныне в орфографии „эрмэк“.³

Н. П. Дыренкова отмечала, что этот глагол по своей форме „недостаточный“ и употребляется для образования сослагательной формы будущего времени (мен барар эдим—я бы поехал) и при сочетании с частицей вопроса для выражения просьбы или вопроса (бис ле ойной бедин?—не поиграешь ли с нами?) и выступает в позиции связки в предложении (ойноп дьурген балдар эдибис—мы играющие дети) и т. д.⁴

В киргизском языке этот глагол наличен в разновидностях эле, эде, эди, экен, эмес и эмиш (имиш).

И. А. Батманов рассматривает эти формы в разделе „Служебные слова“, где именует их „служебными словами-последелогам“. О происхождении же экен и эмес он говорит, что они суть „окостеневшие образования от недостаточного, отсутствующего в основной форме, глагола э—будь.“⁵

Несколько дополнений и уточнений по поводу этого вспомогательного глагола мы встречаем в различных трудах К. К. Юдахина, где в целях классификации киргизских территориальных диалектов он берет форму эле в качестве одного из основных признаков: для юга характерен тип эде, а для севера—эле, наряду с различиями с // з, тоо // тоу; болбойт // бошойт и жибер // жүгөр.⁶

Проф. К. К. Юдахин отмечает, что в текстах V части „Образцов В. В. Радлова, которые, как известно, записывались на севере Киргизии, встречается форма эде вместо эле. Теперь же она в таком виде совершенно отсутствует на севере. И действительно, в текстах В. В. Радлова имеются такие примеры, как:

„Көк алаңды бербäйсiң
„Көк ала токпу едä.
„Мен бир йылкыча йокпу едä м.

Или:

„ерi йангыс сен едäң, Манас.
„атамнын йангыс мен едäм, Манас.⁷

Однако в той же его записи, наряду с формой эде, встречаются и формы эди и эле в значении прошедшего времени.

¹ Там же, стр. 200.

² Там же, стр. 213.

³ В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка, стр. 85. (Это замечание автора относится к старой письменности и орфографии. Б. О.)

⁴ Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка, стр. 204—205.

⁵ И. А. Батманов. Грамматика киргизского языка. вып. III, стр. 64.

⁶ Все эти признаки в своем употреблении не обязательны для всего юга или севера. Например, бошойт (на юге, но без Таласа), жүгөр—характерен только для отдела ичкилик на юге, о котором указано в таблице автора.

⁷ В. В. Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. V, стр. 69, 74, СПб, 1885. (Транскрипция заменена Б. О.),

Например: Алманбет йетип бард эле
 йатык тилдүү Ажыбай
 Эшикке чыга калды дейт.
 Или: „алдың эле даң—минен
 Алтымыш тогус мал—минен,
 йемдедиң эле йетмиш батман нан минан,...
 Мен төө ичинде нар эдим,
 Мен йеримде сенче бар эдим.¹

Таким образом, можно сделать вывод, что во время записи текстов в северной части Киргизии были наличны все три формы прошедшего времени вспомогательного глагола, а в настоящее время сохранилась только форма эле. Форма же эде присуща отделу „ичкилик“ южного киргизского диалекта, однако на юге, наряду с формой эле, параллельно употребляется и форма эди. Например: „Байбиче энем бар эди—У меня была мать почтенного возраста“.

Форма эди, наличная в узбекском и казахском языках, характерна и для тех киргизов, которые живут по соседству с этими народами. Но форма эди в настоящее время в говорах Иссык-Куля, Чуйской долины и Тянь-Шаня не встречается.²

В киргизском литературном языке в настоящее время в значении вспомогательного глагола прошедшего времени встречается только форма эле, которая, как отмечает проф. К. К. Юдахин, омонимична с частицей ограничения „эле“. Отличие последней от вспомогательного глагола заключается в том, что она в обоих диалектах встречается только в форме эле и употребляется в значении „только лишь“ и „только что“. Например: „Алазыр эле ушу жерде болчу—он только что был здесь“ и т. д.³ Вторым основным грамматическим отличием частицы ограничения эле от вспомогательного глагола „э“ в киргизском языке является то, что последний спрягается по 1-му типу спряжения (т. е. с-м, -ң и т. д.), а частица ограничения эле спрягается по 2-му (полному) типу.

СХЕМА СПРЯЖЕНИЯ
 ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

ЧАСТИЦА ОГРАНИЧЕНИЯ.

ВСПОМОГАТ. ГЛАГОЛ.

1-ое л. мен элемин,

мен элем,

2-ое л. сен элесин,

сен элең,

сиз элесиз,

сиз элеңиз,

3-ье л. ал эле

ал эле.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л. биз элебиз,

биз элек,

2-ое л. силер элесинер,

силер элеңер,

сиздер элесиздер

сиздер элеңиздер

3-ье л. алар эле

алар эле

¹ В. В. Радлов, Образцы..., ч. V. стр. 32, 53, 55.

² Как видно из вышеприведенных примеров из V тома „Образцов“ В. В. Радлова, прошедшее время вспомогательного глагола „э“ не проходит по всему тому в форме эле, как об этом указывает К. К. Юдахин; наоборот, встречаются все три варианта этого глагола (эде, эди, эле).

³ Подробно о функциях частицы эле см. К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь, стр. 223—224.

Глагол эле и частица эле в 3-м лице единственного и множественного числа не имеют личных окончаний, что также создает их омонимичность.

В некоторых тюркских языках эта частица встречается в форме „ла.“ Например, в уйгурском языке, как отмечает В.М. Насилов, она присоединяется к концу слова, чаще всего наречия, и придает ему оттенок категоричности: „Сезаи дегән биж жеза бу задила байнин бешига кәлидиган нимэ эмәс, пәкәтла кәмбигал ли (р) ниң бешига келидү—Одно из наказаний, по названию сезаи, ни в коем случае не падает на голову богача и только лишь достигает головы бедняков“.¹ И далее он отмечает, что в значении частицы „ла“ употребляется и частица „гинә“, которая в отличие от предыдущей частицы, пишется отдельно от основы. Частица „ла“ встречается и в алтайском языке.²

1-ое лицо множественного числа вспомогательного глагола „э“ (т. е. элек) фонетически совпадает и с отрицанием элек, которое также имеется в других тюркских языках в различном фонетическом оформлении.

Как отмечал З. К. Пекарский, в якутском языке употребляется служебное слово „илик“ в значениях: который еще не (сделал чего-либо, пришел в какое-нибудь состояние), еще рано, еще нет, еще не, пока не, прежде чем. Может выражать еще предстоящее к определенному времени следствие состояния или деятельности (келе илик пин—я нахожусь пред пришествием, я еще не пришел; көрө илик—он еще не видал, он раньше не видал). Көрө илигим—я еще не видал³. В киргизском и некоторых других языках она встречается в форме элек в вышеприведенных же функциях.

Переходим к рассмотрению вспомогательного глагола эле (эде, эди). Вдобавок к предыдущим определениям тюркологов, К. К. Юдахин и другие считают его с морфологической стороны неправильным и недостаточным,⁴ т. к. этот глагол по функции является только вспомогательным и самостоятельно не употребляется. Этот глагол в орхоно-енисейских надписях встречается в форме эрти, эрмис, -эрмиш. Например: „Анча Казанмыс итмис илимис төрүмүз эрти—Таков был приобретенный нами племенной союз и такова проявлявшаяся нами власть“.⁵ Подобное явление отмечено и для староузбекского языка.

В настоящее время от основы этого глагола осталось только „э“, которое является остатком когда-то полной формы эр, но эта форма является недостаточной не потому, что выпал его конечный согласный „р“, а потому, что она не имеет всех форм спряжения (т. е. 3-го лица единственного и множественного числа, не имеет своих показателей лица). Глагол „э“ неправильный потому, что если в других формах, например, -ды, -ган, -чу и др., вопросительная частица „бы“ сочетается после этих аффиксов, то в вспомогательных глаголах эле, экен сочетается перед основой, где под влиянием начального гласного (т. е. „э“) конечный гласный „бы“

¹ В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка, стр. 148—149.

² Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка, стр. 222.

³ З. К. Пекарский. Словарь якутского языка. Т. III, ч. I, 1907. 923.

⁴ К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь, стр. 219.

⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 30—39. (Транскрипция заменена. Б. 0.)

(т. е. -ы) выпадает и получается бэле, бекен, что видно из схемы спряжения вспомогательной формы (см. стр. 52). Как уже указывалось, в древнетюркских памятниках эта форма писалась в виде эрти (вместо ожидаемого эрди). Выпавший впоследствии „р“ был глухим, но следы глухости остались, поэтому, вместо ожидаемого эген, получилось экен.¹

В отличие от вспомогательного глагола эле, формы экен и эмес сочетаются с полным типом личных окончаний, как и при эле. В 3-м л. единственного и множественного числа показателей лица нет.

Сочетания тияа: мен элемин, сен элесин и т. д. выступают не в значении вспомогательного глагола, а в значении частицы ограничения и в переводе означают: „это только я“, „это только ты“, и т. д.

СХЕМА СПРЯЖЕНИЯ ЭКЕН.

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л.	мен экенмин,
2-ое л.	сен экенсиң, сиз экенсиз,
3-ье л.	ал экен.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л.	биз экенбиз,
2-ое л.	силер экен- сиңер, сиздер экен- сиздер,
3-ье л.	алар экен.

СХЕМА СПРЯЖЕНИЯ ЭМЕС.

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л.	мен эмесмин,
2-ое л.	сен эмессиң, сиз эмессиз,
3-ье л.	ал эмес.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л.	биз эмеспиз,
2-ое л.	силер эмессиңер, сиздер эмессиздер,
3-ье л.	алар эмес.

¹ Все согласные в школьных грамматиках принято по глухости и звонкости разделять на две группы—звонкие (жумшак үнсүздөр), глухие (каткалан үнсүздөр). При этом дается правило: „жумшак менен каткалан бир сөз ичинде келбейт (т. е. глухой и звонкий рядом не стоят). Звуки л, м, н, ң, р считаются звонкими, а поэтому исходя из правила они с глухими сочетаться не должны. Было бы правильнее выделить группу сонорных согласных, в которую войдут звуки л, м, н, ң, р, и которые являются нейтральными в смысле сочетания их с глухими и звонкими согласными; например: алты (шесть)—алды (взял); мөңгү (ледник)—мөңкү (прыгать); мүлдө (совсем), мөлтүрөк (прозрачный); нурдуу (румяный), нарк (цена, стоимость); мандалак (тюльпан), мансап (должность); шумдук (хитрость, жульничество, небылица и др.), шумкар (кречет). Следовательно, существующее разделение согласных противоречит правилам фонетического закона киргизского языка. Перечисленные пять фонем должны быть выделены с соответствующей терминологией, характеризующей особенности этих звуков.“

В вопросительной форме аффикс „бы“ употребляется перед э кен и эле. При этом, под влиянием начального гласного „э“ конечный гласный „ы“ вопросительного аффикса выпадает:

СХЕМА СПРЯЖЕНИЯ ЭЛЕ, ЭКЕН В ВОПРОСИТЕЛЬНОЙ ФОРМЕ

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л.	мен белем?	мен бекенмин? бекемин? бекем?
2-ое л.	сен белең? сиз белеңиз?	сен бекенсиң? сиз бекенсиз?
3-ье л.	ал беле?	ал бекен?

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л.	биз белек?	биз бекенбиз?
2-ое л.	силер белеңер? сиздер белеңиз- дер?	силер бекенсиңер? сиздер бекенсиңдер?
3-ье л.	алар беле?	алар бекен?

В разговорной речи форма экен с аффиксом „бы“ сочетается дважды, т. е. в начале и в конце основы, что в литературном языке не нашло своего отражения: „ал үй үндө бар бекенби?—доми ли он?“

Аффикс вопроса присоединяется к концу форманта эмес.

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л.	мен эмесминби?
2-ое л.	сен эмессиңби? сиз эмессизби?
3-ье л.	ал эмеспи?

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1-ое л.	биз эмеспизби?
2-ое л.	силер эмессиңерби? сиздер эмессиздерби?
3-ье л.	алар эмеспи?

Когда вспомогательный глагол эле сочетается с глаголом прошедшего времени на -ды, иногда личные окончания принимает не основной глагол, как обычно, а вспомогательный эле. Например: „Мен шаарга барды элем—Я ходил в город“, „Сен шаарга барды элең—ты ходил в город“ и т. д. (вместо ожидаемого: „Мен шаарга бардым эле“, „Сен шаарга бардың эле“).

В фольклоре встречаются и такие случаи, когда вспомогательный глагол эле сочетается с основным глаголом в первом лице множественного числа прошедшего времени; причем, аффикс этого

лица присоединяется не только к основному глаголу, но и к вспомогательному: „К ан ды н ка зы на сы н биз у ур ла ды к элек, өз үбүз кырк ууру элек—Ханскую казну украли мы, сами были (мы) сорок воров“. (Фольклор).

Диалектную разновидность эле профессор К. К. Юдахин принимает в качестве одного из основных признаков классификации южных говоров киргизского языка, считая ее специфической особенностью отдела „ичкилик“. В этом отношении обнаруживаются некоторые языковые связи между говорами отдела „ичкилик“¹ и алтайским языком, где этот вспомогательный глагол встречается в форме эле² и эди.³

Эти языковые связи устанавливаются и на основе некоторых других фактов.

В этом отношении для примера приведем один обычай, существующий и существовавший раньше у киргизов при угощении гостей. За последнее время у северных киргизов появилась традиция при угощении мясом считать самым почетным куском ба ш (голова только барана или козла, но не лошади или коровы) и подавать его самому почетному гостю, причем, только мужчине. Самой почетной или самой старшей женщине подают к у й м ул ч а к (копчиковую кость, крестец барана, а не козла, лошади или коровы). Но, говорят, что на самом деле почетным и старшим куском („у л у у ж и л и к“) является не ба ш, а ка бы р га—ребра, потом уже следует ж а м ба ш или к у й м ул ч а к, тогда как на юге (у ичкиликов) самая почетная часть называется „у ч а“—крестец (барана), а ба ш подавать гостю считают большим оскорблением.

Они также не любят конину, тогда как это мясо на севере очень любят. Почетной частью ее является у ч а (крестец). Он предназначался для почетного гостя в очень торжественных случаях (этого обычая придерживались в старые времена). Сейчас этот обычай не соблюдается. О том, что у ч а (крестец) был когда-то тоже самым по-

1) Аналогичное явление мы встречаем в 1-лице множественного числа в карабулакском говоре узбекского языка. Профессор К. К. Юдахин в статье „Некоторые особенности карабулакского говора“, опубликованной в сборнике „В. В. Бартольд у“ (Ташкент, 1927 г.), пишет, что „Необычайной для известных нам узбекских говоров является карабулакская форма прошедшего предварительного времени, которая здесь до некоторой степени совпадает с османской“ (см. стр. 408). Примеры:

Основы: „бе р—давать“, „кы л—делать“.

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1. Бердим эди,	Кылдым эди.
2. Бердин эди,	Кылдың эди.
3. Берди эди,	Кылды эди.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО:

1. Бердугүдүк (бердүк эдик)
Кылдугүдүк (кылдык эдик).
2. Бердиниз эди, кылдыңыз эди.
3. Берди эди, кылды эди.

Здесь отличие от киргизской формы заключается в том, что основной и вспомогательный глаголы не сливаются, а произносятся раздельно, как видно из вышеприведенного примера.

² Грамматика алтайского языка, стр. 61.

³ Н. П. Дыренкова. Грамматика ойратского языка. (Автор приводит только форму „эди“, исходя, очевидно, из норм литературного языка).

четным куском и у северных киргизов, а не б а ш (голова), отмечал и Ч. Ч. Валиханов, который писал: „Перед нами поставили большую тарелку с бараниной, сложенной горкой, на вершине которой рисовалась крестцовая кость—самый почетный кусок“. (Сочинения Ч. Ч. Валиханова, СПб, 1904, стр. 61). Он посетил киргизский род Бугу (на Иссык-Куле) в 1856 г. Однако, он не отметил, как назывался этот кусок по-киргизски, т. е. у ч а, ж а м б а ш или к у й - м у л ч а к.

Несмотря на это, можно предположить, что и у северных киргизов когда-то почетным куском был только у ч а, а не б а ш, почитание которой, очевидно, связано с другими представлениями и является позднейшим явлением. Это подтверждается еще и тем, что не всякий б а ш является почетным, а только б а ш барана или козла.

В этом отношении можно найти некоторую аналогию у алтайцев, у которых, как отмечал В. В. Радлов, в обычаях угощения гостей б а ш не является почетным куском. Он пишет, что „у древних турков эта часть считалась почетным кушанием, ею угощали ханов, вельмож и других знатных лиц: во всех сибирских курганах находят кости спинного хребта животных, которые мертвым клались как пища в могилу. Из этого видно, что эта часть животных считалась у всех тюркских племен почетною пищею. У алтайцев свату передается жареный задок барана и называют эту почетную церемонию „у ч а“¹

Другое замечание, связанное с обычаям угощения, приводит П. Л. Потапов, где он пишет, что „В. Радлов, описывая один из таких праздников, должен был отметить особое положение бедных гостей (armen Gaste), для которых пищу варили в особых котлах: голову, часть внутренностей и ноги убитой скотины, мясо же шло в пищу знатым гостям“.² Из этого видно, что голову (б а ш) давали не почетным гостям. Однако, неясно, о голове какого животного идет речь. На Иссык-Куле, действительно, внутренности не в почете (их не кладут на блюдо гостям). О том, что „ичкилики“ совершенно не показывают гостям голову, говорит и К. К. Юдахин.

У „ичкиликов“ и вообще на юге, в отличие от севера, э л е, сочетаясь с частицей вопроса, выступает в форме „б е д е“ и может выражать не только вопрос, а и простое повествование о каком-нибудь прошлом событии. Например, „У с у б а к а ж а к ш ы а й т ч у б е д е, у з у н а й т ч у б е д е—Усубаке хорошо сказывал, длинно (пространно) сказывал“.

Вспомогательный глагол э л е играет весьма важную роль в образовании описательных форм прошедшего времени. Он сочетается почти со всеми формами прошедшего времени (с образованиями на -д ы, -г а н, -ы п т ы р, -ч у) и в каждом случае придает дополнительный и своеобразный оттенок значению основного глагола. Такое употребление вспомогательного глагола э л е, э д е возможно во всех тюркских языках, где он встречается.

Об этом говорится во многих трудах по различным языкам. Так, например, И. К. Маманов в своей работе, посвященной вспомогательным глаголам в казахском языке, пишет, что „форма еді, помимо своего чистого словарного, фразеологического, значения „был“, играет весьма важную роль в морфологии казахского глагола как конструктивный элемент. С ее помощью образуется целая серия слож-

¹ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. 1.. СПб., 1893, стр. 1721.

² Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948, стр. 306.

ных описательных форм прошедшего времени изъявительного и многих других наклонений глаголов с различными видовыми оттенками значений: законченности и незаконченности, многократности, возможности, нерезультативности, желательности и др.¹

В школьной грамматике киргизского языка образование на -ган неправильно считают показателем давнопрошедшего времени. Она не во всех случаях может выражать давнопрошедшее действие.

Основную роль в образовании давнопрошедшего времени с различными его оттенками играет вспомогательный глагол эле в сочетании с глаголами прошедшего времени на -ды, -ган, -ыптыр-чу.

Сочетания вспомогательного глагола с этими формами представляются в следующем виде:

1. Сочетание вспомогательного глагола эле с глаголом на -ды (бардым эле или барды эле м—ходил) образует давнопрошедшее определенное время.

2. Сочетание вспомогательных глаголов эле, экен с глаголом на -ган (барган эле — (он) ходил, барган экен — оказывается, (он) ходил—выражает давнопрошедшее неопределенное время).

3. Сочетание образования на -ыптыр с вспомогательным глаголом эле (барыптыр эле — он ходил) обозначает подтверждение совершенного действия.

4. Сочетание образования на -чу с вспомогательным глаголом эле, экен (барчу эле — он, бывало, хаживал, барчу экен—(он), оказывается, хаживал) передает давнопрошедшее длительное время.

При сочетании основного глагола на -ды с вспомогательным эле выражается такое действие или сочетание, за которым следует определенное действие, выраженное формой на -ды, например:

„Бар кайратын салып дагы бир жулунуп көрдү эле, көзүнөн от чагылып кетти— Употребив всю силу (т. е. со всей силой), еще раз рванулся, искры из глаз посыпались“. (К. Маликов. Ленинград согуш күндөрүндө). „Үч жолу үч бөдөнө бастым эле, колтугумдан чыгып кетти.—За три раза я накрыл трёх перепёлок, (но они) из подмышки выскочили“. (Т. Сыдыкбеков. Пайдага чечилген чатак).

Во всех таких случаях сочетание глагола на -ды с вспомогательным глаголом эле употребляется в значении: „как только“, „сразу же“, „только было“, и во всех этих случаях сложное глагольное сочетание на -ды эле является сказуемым придаточного предложения.

При сочетании образований на -ды с эле в форме беле выражается факт, происшедший в прошлом. Например: „Сен китептеринди менден алдың беле?—Ты брал у меня (свои) книги“. Вместе с тем, такая форма употребляется и в повествовании о каком-то прошлом действии, чтобы еще раз напомнить о нём слушателям. Например: „Корабелдиктер кургактагы согушка катышты деп айтпадык беле—Разве мы не говорили (ведь говорили же) о том, что корабельные (т. е.

¹ И. Е. Маманов. Вспомогательные глаголы в казахском языке. Изд. АН. Каз. ССР, Алма Ата, 1949, стр. II.

матросы) участвовали и в войне на суше". (К. Маликов, Ленинград согуш күндөрүндө).

Встречаются случаи, когда к этим сочетаниям прибавляется ещё частица предположения „го“ (пишется отдельно). При этом выражается удивление, сомнение, подтверждение или предположение относительно прошедшего действия или состояния. Например: „А йтып отуруш кыйин ата! Чекесин өзүнүз көрдүнүз эле го!—деди, ортончу уулу.— (Все) рассказывать трудно, отец! Краешек (т. е. отчасти) ведь видели же сами! — сказал (его) средний сын“. (К. Жантошев. Өнөрлүү балдар).

По общему правилу, личные окончания принимает не вспомогательный глагол эле, а основной глагол на -ды (по типу: алдым эле, алдың эле, алдык эле и др.), но в устной речи этот порядок часто меняется: личные окончания сочетаются с вспомогательным глаголом эле, например: барды элем, келди элен, окуду элек (даже окудук элек) и др.

Образование на -ды с экен употребляется только в вопросительной (положительной и отрицательной) форме с дополнительным оттенком личного предположения. Например: „Чон-Арык колхозу эгин планын толтурду бекен? — Выполнял ли колхоз „Чон-Арык“ план хлеба (хлебозаготовок)?“.

Надо чётко отграничить смысловые оттенки этой формы от остальных, т. е. от форм -ган экен, эмес и др., так как образование на -ган эле, эде^{де} выражает такое действие в прошлом, которое было совершено, хотя и давно, но самим говорящим, или же он был сам свидетелем этого давно совершившегося действия, либо он уверен в достоверности и об этом сообщает в форме повествования. Например: „Үркүндөн кийинки каткалан жылдарда ушул жерлерде далай жүргөн элем — В тяжелые годы, последовавшие за всполохом, в этом месте хаживал (я) много“.

„Кызыл-Суудан Кеминге көчүп барар жылы ошол Бүркүттүүнүн бери алдына арпа айдап, мол түшүмгө кенелген элек—В тот год, когда мы должны были из Кызыл-Су откочевать в Кемин, под Бүркүтту, посеяв ячмень, собрали обильный урожай“. (С. Сасыкбаев, Нурлан).

В отличие от формы на -ган (прошедшее неопределённое время), эта форма с вспомогательным глаголом употребляется для выражения вообще давнопрошедшего действия безотносительно к определённому отрезку времени. Например: „Бир түнү айбатып, асманда кара булуттар удургуп, сыдырым жел согуп турган эле — Однажды ночью, когда зашла луна, в небе метались чёрные тучи, дул легкий ветерок“. (С. Сасыкбаев, Нурлан).

В отличие от формы на -ды, при сочетании с эле личные окончания принимает не основной глагол на -ган, а вспомогательный (окуган элем, окуган элениз и др.), и выражается неопределённое давнопрошедшее время. Например: „Ленинграддыктар адам айткысыз оор авалда калган эле — Ленинградцы оставались в неопишемом очень (тяжелом) положении (К. Маликов. Ленинград согуш күндөрүндө).

Эта форма употребляется для выражения такого действия, которое было осуществлено как следствие другого. Например: „Ошондо от ичкерештирип, иреге жакта отурган

Нурлан бир аз ызаланган сый намызына келген эле — Тогда Нурлан, сидевший у порога, поправляя огонь (горящее топливо), обиделся, его задело за живое". (С. Сасыкбаев, Нурлан).

Второй характерной особенностью употребления формы на -ган с вспомогательным глаголом „э“ является сочетание типа на -ган экен, которое, в отличие от -ган эле, эде, употребляется для выражения действия, известного говорящему от другого лица, и о давнопрошедшем событии. Например: „Илгери Жолборс-Чаар деген айгыр болгон экен — (Оказывается) в старину был жеребец Жолборс-Чаар (Т. Сыдыкбеков, Муздакта).

Рассматриваемая форма употребляется для выражения действий, о которых говорящий заключает лишь впоследствии: „Ойгонсом, сур шинель жамынып, казармада жаткан экенмин — Когда проснулся, оказалось, спал (я) в казарме, укрывшись серой шинелью“. (С. Сасыкбаев, Нурлан).

Аффикс -ган в сочетании с эмес образует форму отрицания прошедшего времени. Например: „Жумуштан кайтканда колу башы боёк болуп, чарчап келер эле, бирок канчалык катуу иштеген менен жарытылуу эмгек акы алган эмес — С работы он приходил усталым, с измазанными в краску руками и лицом, но, несмотря на то, что крепко работал, не получил удовлетворительного заработка“. (То же). „Чолпонбай өлдү деген ойду баштарына да келтиришти, бирок Чолпонбай эчтеме болгон эмес — Они допускали даже мысль, что Чолпонбай погиб, но с Чолпонбаем ничего не случилось“ (К. Жантошев, Чолпонбай). „Громов деген коммунист согуштун алдыңкы катарында жүрүп беш жолу жара жесе да, майдандан кеткен эмес — Коммунист Громов, находясь на передовой линии войны, хотя пять раз был ранен, с поля сражения не уходил“. (К. Маликов, Ленинград согуш күндөрүндө).

В отличие от сочетания -ган экен, эта форма выражает такое действие или состояние предмета, которое отрицается говорящим с уверенностью, т. е. ему достоверно об этом известно, а когда говорящий рассказывает о чём-либо давнопрошедшем с неуверенностью или когда он об этом достоверно не знает и слышал от другого лица, тогда употребляется сочетание -ган эмес, экен. Например: „Менин ата-энемдин оокаты жармач болгондуктан, жайлоого чыгууну мурунтадан эле билген эмес экен — Поскольку у моих родителей состояние было скудное, они с давних пор не знали, что значит подниматься (т. е. кочевать) на джайлоу“. (К. Жантошев, Эки жаш).

В сочетании формы на -ган с эмес отрицается наличие какого-то факта вообще, выражается давнопрошедшее неопределенное время, но не категорически.

Форма на -ган сочетается с рядом слов и аффиксов (также для выражения прошедшего времени). Таковыми являются: -гандыр, -ган имиш, -ган болсо керек, -ган чыгар, -ган бар и -ган жок.

Когда аффикс -ган сочетается со словом имиш (эмиш), он выражает предположение или неуверенное отношение говорящего к описанию совершившегося в прошлом действия, о котором он

Слышал от другого лица, отсутствующего в момент речи. Например: „Менин уулум шаарга барганда дүкөндөн көп сонун арзан кездеме көргөн имиш — Когда мой сын ездил в город, в магазине как будто видел много хорошей дешевой мануфактуры“. (Из разговора).

Когда с аффиксом на -ган сочетаются слова болсо керек, то выражается личное условное предположение говорящего о каком-то действии, совершенном в прошлом, и говорящий не ссылается на подтверждение другого лица, а сам не уверен в его достоверности. Например: „Керимбекке Зейне базардан жолуккан болсо керек — Видимо Зейне встретила Керимбека в городе“. (Из разговора).

Глагол на -ган с вспомогательным глаголом „чык — выходи“ в форме будущего времени на -ар (чыгар) выражает прошедшее неопределённое время с оттенком личного предположения говорящего. Например: „Алар мен айткандай сонун өнөрдү таба алышпаган чыгар! — Думается, что они не могли найти ремесло такое, о котором я говорил“. (Из устного народного творчества).

Эта форма выражает также действие или состояние предмета в прошлом, о которых говорящий судит с категорической уверенностью: „Албетте, ачкачылык далай адамды алсыратты. Ал эмес, курман болгону да болду. Ошого карабастан Ленинград багынган жок — Конечно, голод изнурил многих людей. Больше того, были даже жертвы, но несмотря на это, Ленинград не покорился“. (К. Маликов, Ленинград согуш күндөрүндө). Это сочетание употребляется, если действующим лицом является сам говорящий. Например: „Атам менин жана менден башка үй бүлөлөрүнүн тарткан кордугун көргөн да, билген да жок — Отец не знал и не видел ту муку, которую пережил я и другие члены его семьи“. (С. Сасыкбаев, Нурлан).

Форма на -ыптыр, сочетаясь с вспомогательным глаголом эле, выражает давнопрошедшее субъективное неопределённое время, но встречается чаще всего в устной речи, и то только по отношению ко 2—3-му лицам. Например: сен алыптыр элен, ал алыптыр эле, силер алыптыр эленер, алар алышыптыр эле. С „экен“ и „эмес“ форма на ыптыр вовсе не употребляется.

Вспомогательный глагол эле в составном сказуемом, когда он сочетается с именем действия, выражает неопределённое прошедшее время, например: „Менин чын тилегим Лизага үйлөнүү эле — Моей истинной целью была женитьба на Лизе“. (К. Жантошев, Каныбек). „Чындыгында менин максатым эртеңки жумуштарды тапшыруу эмес, Лизаны көрүү эле — На самом деле моя цель была не поручение завтрашних работ, а увидеть Лизу“. (То же).

В таких случаях об осуществлении действия вообще не говорится, а указывается просто намерение говорящего вообще в прошлом. Когда эле сочетается с существительным в значении сказуемого, оно выражает постоянное свойство предмета в прошлом. Например: „Энеси Бурма болсо, ачык жүздүү шайыр, куудулданып сүйлөгөн, күлдүргүч, жаакта жок кошокчу аял эле — Мать же его, Бурма, была женщиной с

открытым лицом, жизнерадостная, шутница, вызывавшая смех, и несравненная певица кошкоков". (К. Баялинов, Бакыт).

Вспомогательный глагол эле, сочетаясь с основным глаголом, стоящим в форме будущего времени на -а р, выражает давнопрошедшее неопределенное время, когда говорящий вспоминает о давно минувшем событии без точного указания на время. Например: „А тамдын жай жайлоосу, кыш кыштоосу — бир жаман тамы болор эле — У моего отца был один плохой дом для летовки на лето и зимовки на зиму“. (К. Жантошев, Эки жаш). „Кайда болбосун, ким болбосун, эки сөздүн бири Арзымат жөнүндө айтылар эле — Где бы то ни было, и кто бы то ни был, одним из двух слов было об Арзымате (т. е. только и разговора, что о нем)“. (То же). „Ушу кыштактын төмөнкү четинде төрт керегеден курулган жапыз боз там турар эле — В нижнем крае этого кишлака обычно стоял построенный из четырех стен низенький серый домик“ (То же).

Вспомогательный глагол в форме эле и экен, сочетаясь с глаголом будущего времени на -мак и -макчы, также употребляется иногда в значении прошедшего времени. Например: „Мен кече киного бармакчы элем — Я вчера намерен был сходить в кино“. Тут значение прошедшего времени вскрывается благодаря наличию наречия времени „кече — вчера“, но такая форма вовсе не указывает на исполнение намерения говорящего.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ.

Приведенные в работе факты показывают, что каждая из рассмотренных форм прошедшего времени имеет свои специфические оттенки, которые отличают одну форму от другой.

Так, специфическая особенность формы на -ды заключается в том, что она выражает факты, относящиеся к прошедшему определенному, конкретному, достоверному времени и не вызывающие сомнения у говорящего. Эта форма, как и другие формы прошедшего времени, образуется от всех глагольных основ (кроме глагола э, который рассмотрен особо) в положительной, отрицательной и вопросительной формах. Сочетаясь же с вспомогательными и функционально-вспомогательными глаголами, она приобретает несколько иной оттенок и выражает давнопрошедшее определенное время. Но эта форма в зависимости от сочетания с другими глаголами (барчу болду, барды эле и др.) имеет, в свою очередь, специфический оттенок значения. В отличие от формы на -ган, образование на -ды сочетается не со всеми формами вспомогательного глагола э (в киргизском языке употребительны сочетания: барды беле? барды эле, барды бекен? барчу болду.)

Второй из показателей прошедшего времени — форма на -ган также обладает своей специфической особенностью, которая заключается в том, что она, в отличие от формы на -ды, выражает действие или состояние предмета вообще в прошлом, не указывая на конкретный (определенный) отрезок времени. Например, „Акматабек айыл чарба институтунан окуган — Акматбек учился (вообще, в прошлом) в сельскохозяйственном институте“. Давнопрошедшее же время образуется описательно, когда глаголы на

-ды, -ган, -чу сочетаются с вспомогательными и функционально-вспомогательными глаголами (барды элем, барган экем, барчу элек, барчу болбо и др.).

Несомненный интерес представляют различные фонетические варианты формы на -ган (барганмын, баргамын, баргам) и которые также не характерны для многих тюркских языков, в которых форма на -ган является показателем прошедшего времени.

Кроме того, образование на -ган, в отличие от некоторых других показателей прошедшего времени (-ды, -ыптыр), сочетается со всеми формами вспомогательного глагола э и функционально-вспомогательными глаголами на -ды, -чу и др. и в каждом случае имеет свои смысловые оттенки, отличающие это образование от других сочетаний.

Но, несмотря на некоторые особенности в употреблении этих форм в киргизском языке (-ган, -ды), они не составляют специфических особенностей для киргизского языка, ибо наличны и в других тюркских языках.

Третий же показатель прошедшего времени в киргизском языке, т. е. аффиксы -ыптыр (с разновидностями -ыпыр, -ыпмын, -сың и др.), несколько отличается от предыдущих тем, что второй его компонент -ыпыр встречается не во всех тюркских языках. Он выражает, в основном, такое же действие или состояние предмета, как в узбекском языке, т. е. момент следствия, момент сомнения, момент исторической передачи и момент внезапного умозаключения, как об этом указывает А. Н. Кононов в своей „Грамматике узбекского языка“ (стр. 177).

Образование же описательных форм глагола при помощи сочетаний глагола на -ыптыр с вспомогательными глаголами в киргизском языке встречается очень редко.

Четвертый показатель прошедшего времени — аффикс -чу относится к числу специфических особенностей киргизского языка, которая отличает его от других тюркских языков.

Глагол, сочетающийся с аффиксом -чу, выражает прошедшее длительное действие или состояние предмета с оттенком обычности, тогда как в некоторых других тюркских языках длительность выражается образованием на -макда (например, в уйгурском, узбекском и др. языках).

Однако это не говорит об отсутствии аффикса -мак в киргизском языке. Он имеется, но употребляется совершенно в другом значении, чем, скажем, в уйгурском или узбекском.

Наконец, весьма важную роль в образовании прошедшего времени играют вспомогательный глагол э (и его разновидности эле, эде, эди), а также ряд функционально-вспомогательных глаголов, при помощи которых, в основном, образуется давнопрошедшее время (окуду эле, окуган экен, келчү болгон и др.).

Иногда подобное сочетание может выражать и не давнопрошедшее время, а конкретизирует или еще больше уточняет имевший место в прошлом какой-нибудь факт: „Ал шаардан окуган болчу — (Да), он учился в городе“.

Обращает на себя внимание и то, что в киргизском языке не все формы прошедшего времени в 1-м лице множественного числа принимают одинаковые личные окончания. Например: жаздык, но

жазганбыз, жазыптырбыз, жазчубуз (но иногда —жазчук).

Из изложенного можно заключить, что многообразные показатели прошедшего времени и их сочетания с различными вспомогательными глаголами, повторяющиеся в ряде языков, подтверждают родство киргизского языка с другими тюркскими языками. Вместе с тем, некоторые из них характеризуют специфические особенности киргизского языка и богатство его внутренних ресурсов.

Ряд форм, повторяющихся в киргизском языке, в орхоно-енисейских памятниках древнетюркской письменности и в современных языках, территориально не сопряженных с киргизским, иллюстрирует собою учение И. В. Сталина об устойчивости грамматического строя и основного словарного фонда.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
I. Прошедшее определенное (категорическое) время, образующееся при помощи аффикса -ды	9
II. Прошедшее неопределенное время, образующееся при помощи аффикса г а н	17
III. Прошедшее субъективное время, образующееся при помощи аффикса -ы п + т ы р	25
IV. Прошедшее длительное время, образующееся при помощи аффикса -ч у	36
V. Вспомогательный глагол „э“ и его роль в образовании прошедшего времени	47
Некоторые выводы	59

Ответственный редактор И. А. Батманов

Сдано в набор 4/IV—1955 г. Подписано к печати 31/V—1955 г.
Формат бумаги 70 x 108/16=4,5 бум. л., 4 печ. л. 4,4 уч. изд. л.

Д—05937

Тираж 500

Заказ 490

г. Фрунзе, типография Академии наук Киргизской ССР

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка		Напечатано	Следует читать
	сверху	снизу		
19	1	—	мы	вы
19	2	—	Вы	вы
19	—	17	последние	последних
53	2	—	уурладык	уурладык
55	29	—	сочетание	состояние
60	19	—	Третийже	Третий же